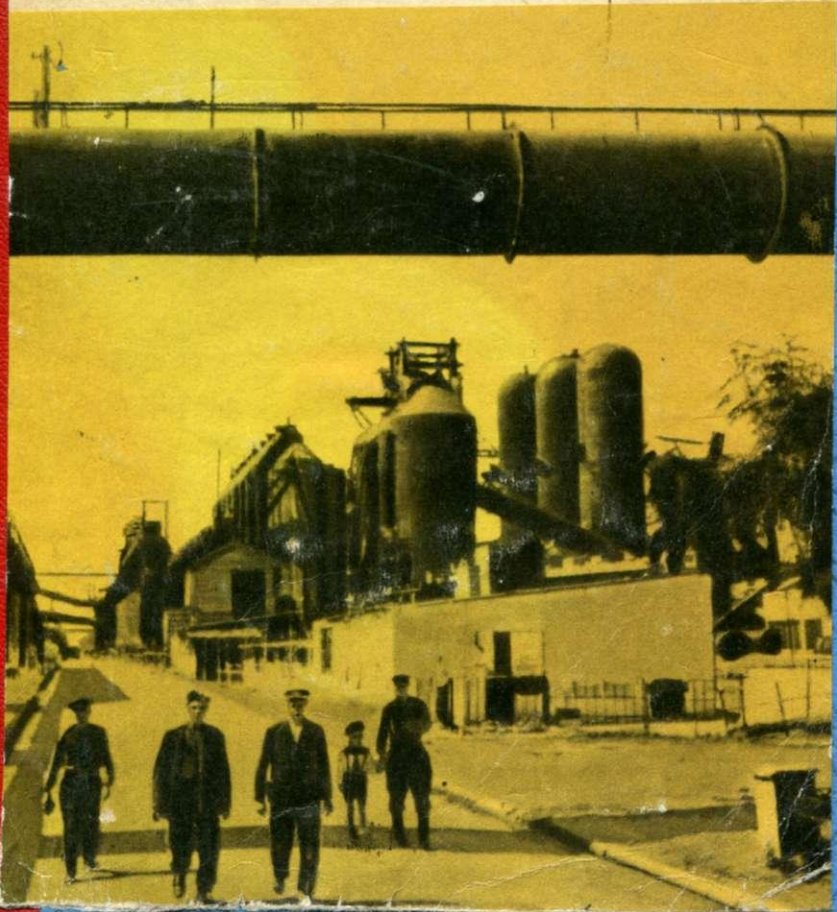

M 5633
E3.3(4YKP)625
Г-42

Семен
ГЕРШБЕ

Что было в Запорожье

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

СЕМЕН ГЕРШБЕРГ

63.3(44кпр-43п)625
1742

ЭТО БЫЛО В ЗАПОРОЖЬЕ

Из записок
журналиста-правдиста
сороковых годов

М 005633

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

Гершберг С. Р.
Г42 Это было в Запорожье. Из записок журналиста-правдиста сороковых годов. М., Политиздат, 1974.

112 с. с ил (Страницы истории Советской Родины).

Г $\frac{10604-285}{079(02)-74}$ БЗ-5-5-74

9(С)28 + 9(С)2

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
 Редактор И. В. Чулочникова
 Младший редактор И. А. Дегтярева
 Художественный редактор Г. Ф. Семиреченко
 Технический редактор О. М. Семенова
 Корректоры Н. П. Дорофеева, Е. А. Рыбина

Сдано в набор 4 марта 1974 г. Подписано в печать 31 мая 1974 г.
 Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 5,43.
 Учетно-изд. л. 5,26. Тираж 100 тыс. экз. А00155. Заказ № 3326. Цена 21 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
 Москва, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

Еще шла Великая Отечественная война, а на советские земли, очищенные от немецко-фашистской оккупации, вслед за воинами-освободителями вступали армии тружеников-восстановителей. Когда же умолкли громы сражений, наша страна переключила все свои силы на возрождение разрушенного хозяйства. В неслыханно короткие сроки, ранее неведомые истории, из руин и пепла поднялись заводы и шахты, фабрики и электростанции, города и села. Трудовой подвиг советского народа в первые послевоенные годы стал в один ряд с военной и экономической победой, одержанной в войне с гитлеровской Германией.

«Народ-герой, покрывший себя неуязвимой боевой славой, тесно сплотился вокруг партии и в годы послевоенного восстановления вновь проявил свои замечательные качества — стойкость, самоотверженность, трудолюбие», — говорил Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном 50-летию Советской власти.

Одним из решающих плацдармов великой битвы за восстановление явилось Запорожье, город на Днепре, ставший за годы социалистического строительства крупным индустриальным центром Советского Союза. Запорожье — это родина знаменитой Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина, одного из первенцев ленинского плана электрификации страны. Запорожье — родина металлургического гиганта «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе, детища первых, довоенных пятилеток, крупнейшего в Европе завода по производству высококачественного металла. Без возрождения предприятий Запорожья невероятно трудно было снабдить Приднепровье и Донбасс электрической энергией, а нашу автомобильную промышленность — стальным листом.

Эти страницы воспроизводят эпизоды из славной летописи героического восстановления «Запорожстали» и Днепрогэса, воскрешают атмосферу теперь уже далекого, но незабываемого времени.

ЧУДО В ЗАПОРОЖЬЕ

Поездка была внезапной... Собственно, за все время работы в «Правде», а работал я там в тридцатые — сороковые годы, не припомню случая, когда бы я заранее знал о командировке, а их состоялось, точно не скажу, но если в среднем не менее трех в год, значит, более пятидесяти. Газетчик всегда готов в дорогу. Известный журналист-правдист Михаил Кольцов как-то говорил: «Всю жизнь меня не оставляет один сон: будто я опаздываю на поезд. Ручаюсь — это профессиональный сон журналиста». То ли под впечатлением этого рассказа, то ли от мнительности такой сон стал преследовать и меня.

Главный редактор «Правды» Петр Николаевич Поспелов вызвал меня вечером 10 февраля 1947 года и предложил немедленно выехать в Запорожье. Он протер очки (не терпел ни малейшей пылинки на стеклах), взял со стола широкий блокнот (все мы знали этот блокнот: редактор записывал указания, ответственные телефонные переговоры) и с нотками торжественности в голосе (значит, в хорошем настроении) сказал:

— Теперь у «Правды» опять будет Магнитка, — помните, как в тридцатые годы? На этот раз Запорожстрой... Нам предстоит большая газетная кампания...

Главный редактор взял со стола брошюру с Законом о первом послевоенном пятилетнем плане и громко прочитал: «Восстановить производство тонкого холоднокатаного листа на Юге...»

Это место было в брошюре подчеркнуто красным карандашом и обведено синим. Я хорошо его помнил. Закон был принят почти год назад и за это время столько раз читан и «проработан», что мы, кажется, знали его наизусть.

Тонкий лист на Юге должен был дать лежавший в руинах завод «Запорожсталь». А восстановить его призван был трест «Запорожстрой».

— На Запорожстрое сорваны все сроки — отдаете себе отчет? — спросил Петр Николаевич, повысив тон чуть ли не до угрозы. — ЦК считает, что стройку проглядели...

Последнюю фразу Поспелов произнес, глядя в блокнот, и мне показалось, что упрек кем-то был адресован не прямо «Правде» (иначе Петр Николаевич не пребывал бы в столь приподнятом настроении), однако надо понимать, что и газете положено сделать выводы. Недаром главный редактор не раз твердил: ««Правда» отвечает за все...»

— Мы уже год пишем о Запорожстрое, критиковали, призывали, но сейчас особенно ответственный момент, — продолжал Поспелов. — Политбюро решило принять самые крутые меры...

Он взглянул на часы — они показывали без чего-то одиннадцать вечера — и посоветовал еще сегодня переговорить с министром черной металлургии Иваном Федоровичем Тевосяном и министром строительства предприятий тяжелой индустрии Павлом Александровичем Юдиным. А завтра прихватить с собой из редакции, из любых отделов, кого нужно и сколько нужно людей, выехать в Запорожье. И во что бы то ни стало передать оттуда по телефону корреспонденцию с таким расчетом, чтобы она была напечатана в «Правде» 15 февраля.

Хорошо зная своего редактора, я понял чрезвычайную срочность задания и по тому, что он, вопреки

обыкновенно, не предложил сесть. Сидеть — значит обсуждать, а времени на это уже нет.

— Пятнадцатого, запомните, — повторил Поспелов, не объясняя, почему назначен именно этот срок.

В голове пронеслось: значит, одиннадцатого отъезд, двенадцатого прибытие, а четырнадцатого передать материал, набрать, сверстать... Между тем выступление, судя по всему, более чем ответственное и исходит, возможно...

Не успел мысленно досказать себе, от кого могло быть задание, как Поспелов продолжал:

— Политбюро рассматривало положение на Запорожстрое. Ведь они потеряли почти весь прошлый год... Обком там сильный, новый первый секретарь товарищ Брежнев — боевой фронтовик, но ему приходится разрываться на части: вся область разрушена фашистами — и «Запорожсталь», и ДнепрогЭС, и сельское хозяйство... Недавно укрепили руководство стройкой, но ей нужна помощь всей страны. Запомните, теперь Запорожстрой для «Правды» тема дня, и не одного...

«Правда» не оставляла «Запорожсталь» вниманием с самого начала ее восстановления. Мы знали, что первые строители прибыли сюда, когда гитлеровцы еще обстреливали завод и город. Летом 1946 года редакционная «Правды» направила в помощь запорожцам выездную редакцию во главе с бывшим военным корреспондентом Михаилом Шуром. В ее состав вошли и киевские журналисты, совместно они издавали газету. В заголовке стояло: ««Правда», «Правда Украинны» — выездная редакция на «Запорожстали»».

Условия на стройке оказались невероятно трудными. Инженеры не были искушены в технологии восстановительных работ. Как следует спланировать материально-техническое снабжение не удавалось. В буквальном смысле из-под земли, из-под развалин,

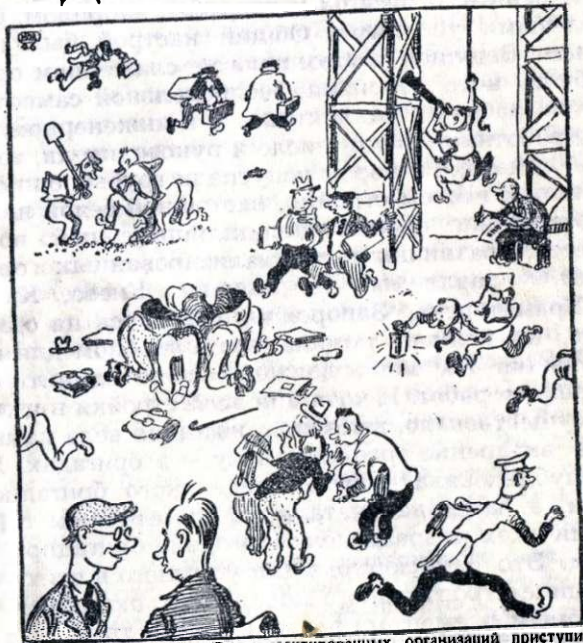
добывали кирпич, арматуру, металлоконструкции. Централизованно стройка снабжалась только самым минимумом фондируемых материалов: цемент, некоторые профили проката, стекло, кровля, горючее. И был еще один предмет централизованного снабжения — продовольствие. Цемент нужен был как хлеб, а хлеб — как цемент.

Стройка знать не знала никакого хозрасчета: считали не деньги, а месяцы и дни, шли напролом, брали волевыми усилиями. Общий настрой был правильным. Ведущей в этом пока не слаженном оркестре была нота героизма, беспредельной самоотдачи — и в рабочем коллективе, и в инженерном. Но многие работники, в том числе и руководители, терялись в суматохе и порой допускали грубые ошибки.

Большим местом стройки, настоящей бедой являлось отсутствие единой дисциплинирующей воли. Множество различных специализированных организаций, управляемых из Москвы, Киева, Харькова, Краматорска, Запорожья, собралось на одном объекте, но каждая тащила воз в удобном для нее направлении. Их мог и должен был объединить общий график работ. И хотя для всей стройки в целом его не существовало, выездная редакция вела кампанию за внедрение графика внизу — в бригадах. Газета опубликовала образец недельного бригадного графика, а затем напечатала его достаточным тиражом для всех подразделений, раздала бригадирам и рабочим. Это был сюрприз для увязшего в стихии и кустарщине строительного начальства, оказавшегося неспособным элементарно организовать труд.

Чтобы как-то компенсировать огромные простои, на стройке пытались было установить десятичасовой рабочий день, ввести исключительный режим сверхурочной работы «ввиду нехватки людей». Руководитель выездной редакции вынужден был пойти на

-ГДЕ ЭТО? ЧТО ЭТО?

— Это начальники 33 специализированных организаций приступили к подготовительным работам по ввертыванию 1 (одного) болта и затяжке 1 (одной) гайки.

Листовка выездной редакции «Правды» и «Правды Украины» на Запорожстрое. Шарж на тему о несогласованности в работе на стройке множества специализированных организаций.

крайнюю меру: послал телеграмму председателю ВЦСПС — им был тогда В. В. Кузнецов. ВЦСПС запретил удлинение рабочего дня: теперь не война.

Газета, боевые листовки, «молнии» призывали к повышению производительности труда, развертывали опыт социалистического соревнования, показывали ударников и стахановцев. Но никакая газета и никакие призывы не могли и не могут восполнить пробелов хозяйственного руководства.

27 июля 1946 года «Правда» напечатала корреспонденцию «Почему задерживается восстановление «Запорожстали», где открыто ставился вопрос о необходимости сменить руководство трестом «Запорожстрой». «Начальник строительства совершенно запутался в той неразберихе, которая царит на стройке, — писала «Правда». — Он не только не может согласовать работу бесчисленных субподрядных контор, но не в состоянии даже ознакомиться с фактическим положением дел. С утра до вечера заседает он с представителями главков и министерств. Его осаждает бесчисленное множество контролеров и обследователей. Все командуют и распоряжаются».

Газета выездной редакции поместила 1 августа маленький фельетон — сценку с натурой:

Слушали...

Собирались, заседали
 Толком.
 Разбирались, утверждали
 Долго.
 Говорили, выступали
 Веско.
 И себя критиковали
 Резко.
 Недостатки выявляли
 Смело.
 Неполладки разбирали
 Делом.

191...
192...

И решенье составляли
Чинно.
И по пунктам расписали
Длинно.
Пункты снова разбирали
Толком.
Мозговали, утверждали
Долго.
И в решенье намечали
Планы.
Намечали, утверждали
Рьяно.
Все в охапку собирали,
И охапку
Уложили, завязали
В папку.
И остаться без вниманья
Той охапке
До второго заседанья
В этой папке.

Прошло совсем немного времени, и 24 августа «Правда» вновь вынуждена была выступить с критикой. В статье «Три партийных комитета и одна стройка» речь шла о том, что обком, горком и райком партии мало помогают партийной организации Запорожстроя. Они лишь забрасывали партком Запорожстроя бумагами: «Каждый из них «спускал вниз» директивы, получаемые сверху, присоединяя к ним свои». А на заседании бюро обкома, где слушался вопрос о Запорожстрое, «представители всех комитетов принялись дружно «избивать» партком строителей».

В Запорожье явно возник кризис руководства. Его мог разрешить — и действительно разрешил — только Центральный Комитет партии.

В августе 1946 года срочно созданный по требованию ЦК ВКП(б) пленум Запорожского обкома сменил руководство. Первым секретарем обкома был избран направленный сюда Центральным Комитетом Л. И. Брежнев, хорошо знакомый многим металлургам и бывшим фронтовикам. То, что во главе Запо-

рожского обкома встал инженер-металлург, сын рабоче-металлурга, человек с большим опытом инженерной и партийной работы на заводах Приднепровья, было не столько удачным совпадением, сколько продуманным шагом ЦК. Леонид Ильич Брежнев родился и вырос в Днепродзержинске, работал на Днепродзержинском металлургическом заводе, окончил там металлургический институт, заведовал отделом в Днепропетровском обкоме партии, а перед войной был секретарем этого обкома. С партийной работы ушел на фронт, на организаторскую и политическую работу в армию, из армии снова вернулся на партийную работу, теперь уже не в Днепропетровскую область, а в соседнюю — Запорожскую.

Вскоре было сменено и хозяйственное руководство. Во главе Запорожстроя был поставлен начальник Магнитостроя В. Э. Дымшиц.

И вот наступило время, когда по указанию Центрального Комитета нужно было поворачивать к Запорожстрою внимание всей страны, как это делала «Правда» в конце двадцатых — начале тридцатых годов по отношению к Магнитострою.

— Жаль, что мы рано свернули свою выездную редакцию в Запорожье, — сказал Поспелов. — Надо спешно наверстывать. Нужна экстренная ударная корреспонденция, а вслед за ней кампания в газете, рассчитанная, может быть, даже на несколько месяцев...

Если дело столь спешное, то, чем меньше людей поедет в Запорожье, тем, пожалуй, лучше. И я попросил командировать вместе со мной только двух человек: Виктора Вавилова — сотрудника экономического отдела — и Владимира Верховского — заведующего отделом обзоров печати. Вавилов был спецкор безотказной оперативности, не раз испытанный на срочных заданиях. А кандидатура Верхов-

ского, старого правдиста, помимо журналистских достоинств привлекала еще одним, особым, в данном случае немаловажным обстоятельством.

Когда Пospelов упомянул, что в Запорожском обкоме новый секретарь — Брежнев, я вспомнил, что именно о нем не раз рассказывал Верховский. Они почти всю войну служили в одной армии — 18-й. Леонид Ильич Брежнев был начальником политотдела армии, а Владимир Иванович Верховский — редактором армейской газеты «Знамя Родины». В этой же газете работали правдисты Б. Галанов и А. Путин. Из этой газеты в «Правду» пришел Герой Советского Союза Сергей Борзенко. Всех их хорошо знал начальник политотдела армии, и все они отлично знали его.

В один из приездов Володи Верховского с фронта в Москву он остался ночевать у меня в редакционном кабинете, и у нас было время о многом потолковать. Устроившись на раскладушке, Володя всю ночь не сомкнул глаз. Сначала ему хотелось, как он сказал, «подышать ароматом» выпуска очередного номера «Правды». Затем он стал расспрашивать о друзьях-правдистах, разбросанных по всему советско-германскому фронту. Наконец, и ему пришлось ответить на мои вопросы об условиях труда и жизни армейских журналистов.

Армия, в которой служил Верховский, сражалась тогда у северокавказского побережья Черного моря. Там было много горячих точек. В отличие от военкоров центральной прессы работники армейских газет не могли сами решать, где им следует находиться, выбирать пункты наблюдения, и меня, естественно, интересовали подстерегающие их опасности. Ведь они ближе к полю боя, среди них, видимо, и потеря больше. Но мои соображения насчет потери Верховский отмел сразу же.

— К опасностям газетчики привыкают так же, как и воины любого другого рода оружия, — сказал он. — Лишения войны никого не минуют. Зато очень многое значит, с кем ты их делишь, какой у тебя коллектив и какое начальство. А тут мне повезло во всех отношениях. Редакционный состав отменный подобрался, настоящие газетчики. Мой непосредственный руководитель — начальник политотдела Брежнев Леонид Ильич, человек редкого личного обаяния, любит и ценит газету и газетчиков. Часто и запросто бывает в редакции, держит наших работников в курсе всех дел, рекомендует темы. Требовательный. Поправит, а если нужно, то и пропесочит, но не заденет твоего достоинства. Между прочим, он не посылает в пекло, но, когда идет в него сам, разве журналисты останутся наблюдателями?

Верховский рассказал о «Малой земле» — впоследствии о ней много писали. Наша армия забила гитлеровцам кость в глотку — в феврале 1943 года высадила морской десант на окраине Новороссийска. Десант зацепился там буквально на клочке, который и назвали «Малой землей».

— Кстати, десантным отрядом командовал наш брат журналист, бывший редактор московской газеты «Машиностроение» Цезарь Куников, — продолжал Верховский. — Он там и погиб, получил Героя посмертно... Плацдарм крохотный, но очень важный. Подвоз людей и припасов возможен, естественно, только морем. А в море полно мин, и все подходы обстреливаются непрерывно — то снарядами, то бомбами... Туда несколько раз приплывал Брежнев. Однажды его катер наскочил на мину, и взрывная волна выбросила Леонида Ильича в море. Его в бессознательном состоянии подобрали матросы. Но и после этого он приезжал на «Малую землю». Пример начальника политотдела действовал лучше всякой ди-

рективы. Корреспонденты моей газеты жили на плацдарме неделями...

Верховский посоветовал (к сожалению, советом этим мы не сумели воспользоваться) дать в «Правде» очерк о партийном деятеле, ставшем во время войны политработником армии. О человеке, который умеет внушать окружающим чувство уверенности в себе, находит для каждого — и командира и бойца — нужное слово. Обладает тактом, выдержкой и терпением в общении с людьми. И чтобы он обязательно был жизнерадостным, веселым, остроумным.

— А если решите эту тему осветить, пришлите очеркиста к нам, в восемнадцатую армию, — сказал Владимир Иванович.

Вспомнив об этой ночной беседе, я сказал Поспелову, что, если теперь Верховский войдет в состав запорожской бригады «Правды», он, вероятно, сумеет быстро установить контакт с обкомом партии и его первым секретарем. Поспелов согласился.

На этом разговор с редактором был закончен, и я начал звонить министрам, чтобы условиться об экстренной встрече.

Тевосян меня принял в час ночи, а в три — Юдин. Министры тогда работали почти до утра, как в войну.

Министр черной металлургии был темнее тучи. И объяснялось это отнюдь не смуглостью кавказца — на лице его лежала тень страдания. Оно было черным, и белые зубы выделялись, как у африканца. Я не видел Тевосяна с осени, и мне показалось, что он перенес тяжелую болезнь. Но не на здоровье жаловался Тевосян, а на тяжелую зиму. Начался второй год четвертой пятилетки, металлурги дали слово выпустить ее досрочно, а заводы Донбасса и Приднепровья, преодолевавшие невероятные трудности восстановления, попали к тому же в полосу страшных мо-

роз. Люди одеты и обуты плохо, коченеют, много обмороженных. И хоть товарообменные операции государством запрещены, министр готов менять тонну чугуна на пару рукавиц...

Жду, когда Тевосян перейдет к теме, — я предупредил о ней по телефону — Запорожстрой. Но он медлит, ежится, как будто не сидит в кабинете, а стоит где-то на верхотуре доменной печи в Донбассе, обжигаемый шквальным ветром при морозе градусов в тридцать.

— Я объездил донецкие заводы, объем разрушений больше, чем вначале представлялось. Чрезвычайная комиссия, которая оценивала ущерб, причиненный фашистами, в Донбассе многого не учла, да и не смогла учесть. Счет, который мы выставили гитлеровской Германии, — с явным недобором. Тем не менее план восстановления мы все-таки выполняем и даже опережаем, — говорил Иван Федорович. — Но катастрофа может прийти из Запорожья. Нас с Юдиным в последние дни несколько раз вызывали в ЦК, на самый высокий уровень. Хочу, чтобы правдисты знали ситуацию... До войны на «Запорожстали» работали три доменные печи, десять мартенов, цехи горячей и холодной прокатки, перед войной заканчивалось строительство четвертой домны. Но главное — это был единственный в СССР завод тонкого листового металла, крупнейший в Европе. Из запорожского листа штампуется сразу весь верх кузова легкового автомобиля и целая кабина грузового...

Когда страна создавала «Запорожсталь» — это было в начале тридцатых годов, — Серго Орджоникидзе, которого все считали шефом уникальной стройки, говорил на одном из совещаний в Наркомтяжпроме: пока не будем иметь своего тонкого листа, не можем считать себя автомобильной страной, будем одалживаться у Америки.

— И теперь американцы хотят воспользоваться нашей бедой,— сказал Тевосян.— Видя, что мы ба-
рахтаемся на Запорожстрое, США отказывают в про-
даже тонкого листа, он в списке запрещенных для
нас стратегических материалов. Покупайте, говорят,
наши легковые автомобили, и дело с концом.

Тевосян не жаловался, а, скорее, размышлял
вслух:

— По сути дела, в какой-то степени нам предсто-
ит повторить «эксперимент» тридцатых годов, когда
страна начала создавать отечественное, советское
тракторостроение. Американцы, которых мы тогда
призвали консультантами, советовали Сталинград-
ский тракторный не строить, а покупать готовые
тракторы в США. Во-первых, говорили они, нет у вас
высококачественных сталей, а во-вторых, нет инже-
неров и рабочих, знающих конвейерное поточное
производство. Нет, отвечали им мы, если будем толь-
ко покупать готовые тракторы, придется всю жизнь
побираться. Навеки останемся без качественного ме-
талла и без кадров. Гром не грянет — мужик не пере-
крестится. Чего бы это ни стоило, рядом с СТЗ, на
старом металлургическом заводе «Красный Ок-
тябрь», начнем осваивать тракторную сталь. «Попро-
буйте сорвать нам это дело!» — грозил Орджоникид-
зе работникам «Спецстали», где я тогда работал ин-
женером.

Серго не слезал с «Красного Октября», — говорил
Иван Федорович. — И Климент Ефремович Вороши-
лов выезжал туда с мандатом Политбюро. «Красный
Октябрь» вытащили, свою сталь получили. Теперь, в
иной обстановке, примерно так же обстоит дело с за-
порожским листом. Опять автотракторная промыш-
ленность уперлась в металлургию. Нужно одолеть
все, любой ценой получить отечественный лист. Тем
более что теперь навсегда отпали трудности сталин-

градского периода: у нас есть уже свои кадры — и
металлургические, и строительные. Да плюс опыт до-
военных пятилеток, да плюс опыт войны...

— Почему же мы попали в такое положение с За-
порожьем? — спросил я, когда наступила пауза.

— Видите ли, — ответил Тевосян, — мы начинали
восстановление южной металлургии с менее трудно-
го: чинили, латали там, где можно было скорее всего
получить металл. «Запорожсталь», разрушенная до
основания, к этой категории заводов никак не под-
ходила: там нужно было начинать все сначала. Ее от-
несли к заводам второй очереди, и тогда, в сорок чет-
вертом году, это было правильно. Но вскоре положе-
ние круто изменилось. Уже во второй половине сорок
пятого, после нашей Победы, стало ясно, что, не воз-
родив автомобильное производство, мы не поднимем
ни промышленность, ни сельское хозяйство. За-
порожские станы необходимо пустить в нынешнем
году, но, хотя теперь положение на стройке выправ-
ляется, что там получится — не знаю... Нам, собст-
венно, нужны сейчас прокатные цехи — мы можем
обеспечить их стальными слитками с других заво-
дов, поэтому мартены Запорожья будем восстанав-
ливать позднее. Но мы не можем наладить проката,
пока не задует хоть одну домну. И не ради чугуна, а
ради доменного газа, который нужен для разогрева
слитков на прокате. А чтобы пустить домну, необхо-
димо восстановить коксовые печи, теплоцентраль, ог-
ромное энергетическое хозяйство... Видите, какой
узел завязан.

На телефонном столике тихо, по-пчелиному про-
жужжал зуммер. Министр взял трубку и кому-то
разрешил зайти с бумагами.

— Пишу кляuzu на Павла Юдина, приходится, —
сказал Тевосян. Надел очки, закурил и, не вынимая
изо рта папиросы, прочел вслух некоторые строчки

из поданной ему бумаги. Запомнилось: «Министр товарищ Юдин П. А. обязал ряд строительных организаций выделить Запорожстрой квалифицированных работников, а туда засылают тысячи необученных людей».

— Не Запорожстрой, а Запорожуч получается,— отложил бумагу Тевосян.— Люди — острый вопрос... Но еще сложнее с оборудованием и стройматериалами. Вы будете говорить с Юдиным? Он сам нажалуется... К Запорожстрою до последнего времени относились как к заштатной площадке, строители потеряли год, понимаете, целый год! Но что значит потеряли? Сталин говорит, что год не пуговичка от кавказской рубашки в стоге сена, если потеряли, ищите. И раз он говорит «ищите», значит, надо найти и вернуть, понимаете, вернуть целый год! Это значит совершить чудо, а я в чудеса не очень верю, не верит, думаю, и он...

Звонок по прямому проводу. Говорит Запорожье, Кузьмин Анатолий Николаевич — директор «Запорожстали», пока не существующей. Он демонтировал и эвакуировал завод летом 1941 года, а теперь стал главным приемщиком — каждого метра стены, каждой тонны металлоконструкций, каждого узла на монтаже. Кузьмин ежедневно лично докладывает своему министру. Сегодня, говорит он, у строителей дела шли неплохо (а если «приемщик» говорит «неплохо», можно считать, что хорошо). Но надо «не слезать с поставщиков»: сегодня опять недосыл, а монтажники работают «с колес», были простои.

— Слушай, Николай,— позвонил тут же Тевосян министру тяжелого машиностроения Николаю Степановичу Казакову,— буду окончательно ссориться с тобой... Вхожу в Политбюро... Три дня осталось до последнего срока, четыре раза срок ты уже сорвал, летит теперь к чертовой матери пятый... Только что

звонил Кузьмин — сегодня с твоих заводов прибытия не было. Это — банкротство...

И бросил трубку.

Через мгновение звонок: теперь вызывал Казаков. Слышно было, как он кричит, казалось — телефонный провод вздрагивает.

— Что ты мне говоришь — только сорок восемь тонн? — огрызнулся Тевосян.— Ты что, не знаешь, что при некомплектности оборудования какой-нибудь килограмм может задержать пуск стана? Тысячи тонн дал, а сорок восемь украл... Не мешай работать, у меня сейчас специальный корреспондент «Правды». Поговорим пятнадцатого февраля...

— Почему пятнадцатого? — спросил я Тевосяна, сразу вспомнив, что именно в этот день Поспелов хочет напечатать в «Правде» нашу будущую корреспонденцию о Запорожстрое.

— Потому что пятнадцатого — срок выполнения ряда указаний ЦК и правительства. Будем ЦК докладывать положение в Запорожье,— ответил Тевосян.— Коллектив Запорожстроя здорово набирает темпы. Начальником туда переведен с Магнитки Дымшиц, вы его знаете. Кажется, я вас и знакомил с ним в этом кабинете. Умный, грамотный, волевой. Этот наведет порядок. Но теперь, когда строители двинулись, открылся главный порок — некомплектность поступающего оборудования. Вы будете там — сами увидите... Сейчас основное — стянуть в Запорожье стройматериалы, оборудование, людей...

От Тевосяна я поехал к Юдину. Когда зашел в комнату секретаря, увидел, что дверь в кабинет министра открыта настежь — плохой признак: значит, его нет. Оказалось — полчаса назад вызвали в Кремль, и он, оставив для меня папку с материалами о состоянии дел на Запорожстрое, просил дожидаться его возвращения. В папке лежали копии записок в

ЦК и Совет Министров, тревожных телеграмм Запорожскому обкому партии — бумаги, казалось, кричали... На стене кабинета висел график работ Запорожстрой, куда каждое утро заносились изменения, происшедшие за минувшие сутки на нескольких десятках больших и малых объектов. Работники министерства мне рассказывали, что, уходя поздно ночью домой, Юдин брал с собой график: ежедневно в шесть-семь утра он звонил в Запорожье, проверял исполнение графика и делал на нем пометки.

Вернувшись, Павел Александрович увидел, что я изучаю настенный график, и с ходу, без предисловий, стал его комментировать. Он наизусть знал, что скрывается за каждой линией и черточкой, нанесенными цветной тушью.

— Запорожстрой берет темпы, каких мы не знали даже во время войны. Но если бы это было хоть на один год раньше... Наша ошибка — во главе треста стоял слабый человек. Кустарщина царила невероятная. Ну вот подумайте, как вы это назовете? Половина строительных организаций на площадке не имела телефонов. Нужен человек управляющему трестом — посылай за ним нарочного или сам к нему иди. Теперь там Дымшиц — крепкий мужик... Вы едете в трест — поинтересуйтесь графиком... Там впервые в истории советской строительной промышленности создан единый общепостроечный график, скованный железным обручем почти четыре десятка раков, щук да лебедей... Дело пошло так, как я и сам не ожидал. Однако «Запорожсталь» создается теперь не только в Запорожье, но и на сотнях заводов всей страны, в десятках московских и местных учреждений. Без помощи «Правды» не обойтись...

Я оставил кабинет Юдина под утро, а утром выяснилось, что ночью заболел Верховский — прямо и

редакции его отвезли в больницу. Вот досада! Но откладывать командировку не было никакой возможности. Пришлось нам с Вавиловым выехать в Запорожье вдвоем.

Рейсовые самолеты не шли, а скорый поезд, казалось нам, двигался нестерпимо медленно. Во время длительных стоянок мы кружили вокруг пустых коробок разрушенных вокзалов, вспоминали знаменитые в мирное время пристанционные базары Орла, Поньрей, Курска, Белгорода с жареными, только что со скороды, цыплятами, моченой антоновкой, топленным молоком с румяной корочкой в глиняных коричневых крынках... В Харькове на месте так хорошо знакомого по довоенным поездкам огромного здания вокзала сиротливо торчала одноэтажная времянка. Но на всем пути из окон вагона мы видели уже строящиеся деревни, повсюду весело поглядывали новенькие черепичные или камышовые крыши — местами рядом с еще не убраным танковым и автомобильным ломом, оставшимся от войны.

По прибытии в Запорожье мы позвонили в обком первому секретарю Л. И. Брежневу, — по каким бы делам ни ездил спецкор «Правды», оказавшись на месте, он прежде всего звонит в обком. Но, к нашему огорчению, первого секретаря не оказалось в обкоме: он объезжал сельские районы, где шла подготовка к весеннему севу.

До войны Запорожье и Запорожская область выделялись редким по богатству комплексом современной индустрии и многоотраслевого колхозно-совхозного земледелия, целиком созданных за советские годы. Теперь кругом зияли раны, нанесенные войной: разрушенные заводы, сожженные жилые дома, культурные учреждения, сельскохозяйственные постройки. Еще не успели зарости бурьяном траншеи, воронки от бомб и снарядов.

Тяжелую картину поверженного колосса являла собой территория «Запорожстали». Навзничь повалена одна доменная печь, другая погребена под завалами. Колонны, трубы, фермы, рельсы, мосты, глыбы железа, бетона — все это, исковерканное, искривленное, побитое, как будто корчилося, стонало от боли. Но уже был отчетливо слышен скрежет тягачей, скреперов, кранов, автомашин. В хаосе развала строители отвоевывали у руин метр за метром — и в ширину и в высоту.

В первый же день мы встретились на стройке с десятком людей. Много ценного извлекли из продолжительной беседы с управляющим трестом «Запорожстрой» В. Э. Дымщицем. Он познакомил нас с руководителями субподрядных организаций, начальниками участков.

Вениамин Эммануилович — на площадке все его звали управляющим — человек высокого роста, широкий в плечах. Вьющаяся шевелюра над большим лбом, обветренное лицо, располагающая улыбка, быстрый и острый взгляд, твердая, уверенная походка. Он был в отличном настроении; это несколько удивило: ведь стройка в прорыве.

Собственно, управляющий относил «прорыв» к прошлому.

Сам он прибыл на стройку несколько месяцев назад. Перед тем впервые за много лет отдыхал в Сочи. Министр Юдин вызвал его в Москву экстренной телеграммой. Дымщиц подумал, что какая-то неприятность случилась у него дома, на Магнитострое, а оказалось — нужно перебираться в Запорожье. Выехал немедленно.

Первое, что бросилось в глаза металлургу-строителю, когда он подъезжал к «Запорожстали», и отчетливо сжалось сердце, — ни одной трубы. На некоторых металлических колоннах, в местах, где была заложена взрывчатка, еще сохранились немецкие метки «файер» («огонь»). По ночам кричали совы.

В беседе со спецкорами «Правды» управляющий не входил в исторические подробности, не сетовал на «тяжелое наследство», ни разу не упомянул своих претянувшихся предшественников. Весь он был устремлен вперед, в будущее. Он не потратил много времени на изложение сегодняшней ситуации. За письменным столом ему было тесно, и мы перешли к длинному столу заседаний. Здесь удобнее расположить фотографии; они наглядно показывали, что было после изгнания гитлеровцев в сорок четвертом году, как выглядела стройка в сорок пятом, затем в сорок шестом и что происходит сейчас... На это потребовались какие-то минуты.

— А главное, чем мы живем сейчас, — вот эта книжечка, — сказал Дымщиц и тут же вручил нам по экземпляру. — Она в кармане у каждого запорожстроеца — начальника, партработника, бригадира, плановика, профактивиста, мастера, комсорга, журналиста... В этой книжечке собрана, если хотите, вся наша теория и практика, конденсат разума всего строительного коллектива, кодекс Запорожстроя. Больше скажу: здесь судьба нашей победы или поражения, славы или позора...

Эту книжечку я храню по сей день, вот уже более четверти века, как реликвию Запорожстроя. То был единый график работ, состыкованный план действий десятков строительных организаций, сотен участков и бригад, почти тридцати тысяч рабочих и специалистов, которых нужно было сплотить для достижения единой цели. Но это не просто воля руководителя, рассуждал управляющий, а олицетворение системы, обеспечивающей единство цели и единство действия. Здесь, на Запорожстрое, создается система невиданной еще концентрации и специализации работ.

Управляющий встал, а затем, не садясь, оперся локтями о стол и, сложив пальцы в два кулака, стал похож на боксера, готового нанести нокаут противнику. Помедлил немного и сказал:

— Мы обязаны дать тонкий лист Запорожья в нынешнем году, и не где-то в декабре, а летом. И дадим... На стройке еще масса неполадок, они угнетают меня каждый день и каждую минуту невыразимо коротких, всего в двадцать четыре часа, суток. И все-таки недостатки мы преодолеем. Лишает меня покоя не это. Главное — удастся ли до конца осуществить разработанную нами стратегию стройки?

И тут мы узнали то, что представилось нам техническим и организационным открытием и что впоследствии было оценено как выдающееся новаторство.

О том, как восстанавливать «Запорожсталь», существовало два мнения. Боролись два направления — две линии.

Сторонники и той и другой исходили из общей позиции: завод мертв. Но если одни, опираясь на самые авторитетные данные науки и техники, полагали, что его остатки надо разобрать до основания и вывезти на свалку, а затем построить на этом месте завод заново, другие, наоборот, создав свои, новые научно-технические расчеты, выдвинули идею максимального сохранения и лечения того, что осталось. Лечение и еще раз лечение. Местами — хирургическим методом, безжалостно вышвыривая все умерщвленное, местами — методом адаптации, вживления новых технических организмов в старые. Выигрывать в сроках сулил только второй подход.

Генеральная стратегическая задача требовала новой тактики — сосредоточения главных сил средств на главных направлениях. Не разбрасывать силы, не расплываться ни в коем случае! А, сосредото-

чившись, опереться на такую технологию, которая обеспечила бы высокие скорости и доброе качество строительства и монтажа. Именно здесь, в Запорожье, впервые были разработаны и применены «Обязательные технологические правила» — своеобразный кодекс земляных, бетонных, штукатурных, малярных работ, кирпичной кладки. То был огромный шаг от кустарничества в строительстве к индустриальным методам. На промышленную основу ставилась и максимальная сборность целого из заготовленных частей и узлов. Сборность, которая хорошо известна в современном строительстве, тогда еще едва пробивала себе дорогу.

И этого еще мало. Нужно было создать собственную базу стройматериалов, хотя бы простейших.

— Это естественно, — говорил управляющий, — что мы получаем станки из Москвы, металлоконструкции — из Днепропетровска, рельсы — из Кузнецка, оборудование — из Краматорска, лес — из Белоруссии, шпалы — из Архангельска, электромоторы — из Ярославля, битум — из Закавказья, насосы — из Мелитополя, кабель — из Ленинграда, грузовики — из Горького... Это — наше советское счастье, что, когда вы попадаете в трудное положение, к вам со всех сторон, от всех республик, городов, областей тянутся руки помощи. Но кирпич, щебенку, шлакоблоки, гравий, столлярные изделия для сборки домов надо делать самим, на месте... Наконец, наш девиз: принять значительное число рабочих при острейшей нехватке жилищ и строить жилища при острейшей нехватке рабочих...

Перед восстановителями возникали сложные, порой неожиданные проблемы. Ответа на них нельзя было найти в учебниках. Нужно было искать новые технические идеи. Инженерный талант нашел в Запорожье прекрасную арену действий.

Из Донбасса приехал инженер Марк Иванович Недужко. В войну, в сорок втором, он варил трубопровод для подачи горючего в осажденный Ленинград — две трети труб пролегли по дну Ладожского озера. После войны он восстанавливал донецкие заводы, где испробовал методы «лечения». Прибыв в Запорожье он сразу же и решительно выступил против того, чтобы «добивать битое», осудил «демонтажные настроения» и поддержал тех, кто стремился восстановить все, что только возможно. Вместе с инженером Г. В. Петренко он разработал новый метод подъема взорванных конструкций с помощью телескопической стойки — своеобразного гидравлического домкрата. Как бы из огромного штатива выползает телескопическая стойка-труба и поднимает осевшие, провисшие, покосившиеся конструкции, балки, фермы. Таким способом уже в 1946 году были восстановлены здания нагревательных колодцев, пролеты цехов тонкого листа и холодной листоотделки. Интересно, что на девять тысяч тонн восстановленных конструкций новых материалов потребовалось только триста тонн. Сколько спасено было металла, а главное, какой выигрыш во времени! Специалисты считали, что монтаж конструкций прокатных цехов был ускоро примерно на год... «Дюжий он, а не Недужко», — отозвался о нем министр Юдин. Можно было поражаться, откуда этот тяжелобольной человек черпал жизнерадостность, энергию, неутомимость. Его называли на стройке неистовым...

Инженер Александр Васильевич Шегал, когда-то до войны строивший «Запорожсталь», предложил разбирать наклонившуюся от взрыва на 157 миллионов метров доменную печь с израненной броней горна, изорванным кожухом, с десятками повреждений на разных уровнях. Не разбирать, а... поднять и поставить на место. Поднять сооружение высотой в пят-

надцатитэтажный дом... Для этого он нашел остроумнейшее техническое решение: разрезать домну поперек, затем одну сторону приподнять, образовавшуюся щель заделать, подвести девять домкратов мощностью от ста до двухсот тонн каждый, печь поднять и поставить на место... Начальник монтажного управления М. Н. Чудан, крупный инженер и блестящий организатор, первым сказал: «Я — за» — и взялся осуществить дерзкий проект вместе с Шегалом.

От этой идеи у специалистов дух захватывало, а нам, журналистам, казалось, что сбывается библейская легенда: человек останавливает Солнце.

Дымщиц делится с нами новыми замыслами. Он увлечен и увлекает нас в мир проектов. Он убежден, что восстановленная «Запорожсталь» будет мощнее прежней, а опытный строитель позволит в не столь отдаленном будущем сократить сроки строительства домен, мартенов, прокатных цехов, целых заводов вдвое и втрое... Строительные площадки превратятся в сборочные, завод будут собирать из крупных блоков, как корабль...

Когда все это еще осуществится, да и осуществится ли? А нам сейчас надо писать корреспонденцию — ведь послезавтра она должна быть напечатана в «Правде»... И мы просим управляющего на время «приземлиться», рассказать о положении на Запорожстрое сегодня.

— Это мы сделаем во время обхода площадки, — говорит он. — А сейчас, если можете, приглашаю на диспетчерское совещание...

«Если можете» было сказано, конечно, из любезности. Приехали на Запорожстрой, чего лучше — присутствовать на оперативке. Но вышло так, что мы не смогли. Нас ожидала «Запорожсталь». Пока мы слушали с неустанным вниманием, как управляющий говорил, рассуждал, мечтал, его секретарь пе-

редал нам записку от Анатолия Николаевича Кузьмина, директора «Запорожстали», который напоминал о предстоящей встрече.

...И мы поспешили к Кузьмину. О человеке этом мы были давно наслышаны. Министр И. Ф. Тевосяц характеризовал Кузьмина как одного из способнейших металлургов, а получить такую оценку из уст нещедрого на похвалы Тевосяна многое значило. (Замечу, что впоследствии Анатолий Николаевич Кузьмин сам стал министром черной металлургии.) Принял нас Анатолий Николаевич в чудом сохранившейся от разрушения цеховой «бытовке». В комнатке, обогреваемой железной печуркой «буржуйкой», мы просидели несколько часов, выслушивая трагическую повесть об эвакуации «Запорожстали» летом 1941 года.

— Немецкие войска с правого берега Днепра обстреливали левый берег, где в ряд выстроились наши новые заводы-красавцы, в том числе «Запорожсталь». До восемнадцатого августа сорок первого года завод работал нормально, как всегда, хотя гитлеровцы стояли напротив, — рассказывал Кузьмин. — Они имели в виду овладеть Запорожьем и его богатствами сразу, одним прыжком через Днепр. Но дорогу противнику преградили части Красной Армии, подкрепленные народным ополчением, организованным Запорожским обкомом партии. Восемнадцатого августа в три часа дня с правого берега Днепра посыпались на нас снаряды. Некоторые попали в мартеновский цех. Это была артподготовка, предвещавшая решительное наступление. Через два-три часа оставившийся Днепрогэс. Правда, электроэнергия еще шла из Донбасса, но работать было уже невозможно. Начинаем останавливаться и мы. В 16. 30 остановка доменной печи № 3, в 17. 00 — проката, в 18. 00 — сток воды — остановили мартены, в 19. 00 — дома

№ 2, а в 21: 00 встала и первая домна. Гитлеровцы били в определенные часы по определенному участку. С учетом немецкого «расписания» днем наши рабочие вели демонтаж оборудования, а ночью грузили его на платформы и в вагоны. Так сорок пять суток под огнем спасали завод. Третьего октября в двенадцать дня военные приказали мне кончать эвакуацию, так как в 13. 00 прекратится железнодорожное движение. С завода было вывезено шестнадцать тысяч вагонов оборудования. С последним эшелоном выехал и я...

Запорожье должно было эвакуировать не только «Запорожсталь», но и десятки других предприятий. Среди них еще два завода черной металлургии — «Днепроспецсталь» и ферросплавный, а также комбайновый завод «Коммунар», алюминиевый завод. Для руководства эвакуацией областной комитет партии создал оперативную группу во главе с секретарем обкома Андреем Павловичем Кириленко. Это был штаб по спасению богатств — всего, что можно было увезти. Кузьмин сказал, что во время войны оборудование «Запорожстали» работало на двадцати шести заводах востока страны. Сам он директорствовал на Новосибирском металлургическом заводе. (Впоследствии заводу было присвоено его имя.)

Мы объяснили А. Н. Кузьмину цель своего приезда и просили его оценить положение на Запорожстрое сегодня.

— Дело поправляется, — говорил Анатолий Николаевич, — но трудности огромные, объемы предстоящих работ, если исходить из установленных сроков, уникальны.

И всякий раз, приводя данные об объемах работ, он широко разводил руками, словно и его, привыкшего орудовать миллионами рублей, тонн, квадратных и кубических метров, они изумляли. Он сказал,

что и его поражают феноменальные масштабы. Двадцать три проектные организации конструируют, планируют, рассчитывают отдельные участки, цеха и завод в целом. Кто-то подсчитал, что только для восстановления первой очереди «Запорожстали» — при одной домне из четырех и без мартеновского цеха — было сделано 38 тысяч 785 чертежей. Такие объемы, такой концентрации не было ни на одной советской стройке.

В трест «Запорожстрой» возвращались вечером. Территория завода и стройки выглядела фантастично. На фоне черного неба мигали пучки цветастых желтовато-оранжевых, синевато-зеленых огней, пылали темно-красные факелы, роняя рыжеватые искорки электросварки. Кровавые язычки мерцали в таяли в сиреновой дымке, как угасает россыпь фейерверка на праздничных салютах в Москве. На стройкой висели узорчатые краны с фонарями на самых верхушках. Казалось, они ввинчены в поднобесье. Круглые светильники создавали впечатление волшебного многолуния. Настоящая луна, показавшаяся из-за туч, выглядела одинокой, бесцветной и скудной.

Поближе к площадке прокатных цехов мы разглядели за пляской огней сотни, а может быть, и тысячи электросварщиков в шлемах, ткавших металлические кружева гигантских конструкций на большой высоте.

В кабинете управляющего шло совещание, уточнялись задания следующего дня. Когда оно кончилось, он пригласил нас к себе домой. Ну кто же ходит в гости, если дело еще не сделано? Однако отказываться бестактно, мы видим, что и этот сильный человек устал.

На квартире управляющего было по-февральски холодно: отопительная система вышла из строя.

Двухкомнатная квартира была обставлена служебной мебелью — главе Запорожстроя сейчас не до домашнего уюта. Трестовский кабинет выглядел лучше.

За стаканом чая поговорили об итогах дня, о том, сколько прибыло людей, оборудования, материалов. В общем, с учетом информации, полученной еще в Москве, в министерствах, пожалуй, данных для оперативной корреспонденции достаточно. Мы с Вавиловым попытались как-то суммировать все услышанное, привести к общему знаменателю. Спросили Дымшица, можно ли написать, что стратегия и тактика Запорожстроя исходят из разумной концентрации материальных сил на решающих участках восстановительного фронта.

— Материальных сил? — переспросил он и на минуту задумался. — Это верно, но это не все. А мобилизация сил духовных? Нужно еще взвесить, какая сила тут перевешивает.

И разговор пошел на тему, особенно близкую правдисту, — о моральном факторе, душевном настроении людей, их политическом самочувствии. Отсюда был проложен мостик к вопросу о партийно-политической работе на строительстве. Интересовало нас, в частности, как складываются взаимоотношения руководителей парторганизации с руководством треста.

Партком Запорожстроя, затем райком, горком, обком — все они ответственны перед партией за стройку. Каждый комитет требует не только информации, но и пользуется своим правом контроля. А также правом давать установки. Порой хозяйственному руководителю приходится балансировать между разногласиями директивами. Конечно, решающую роль играет обком.

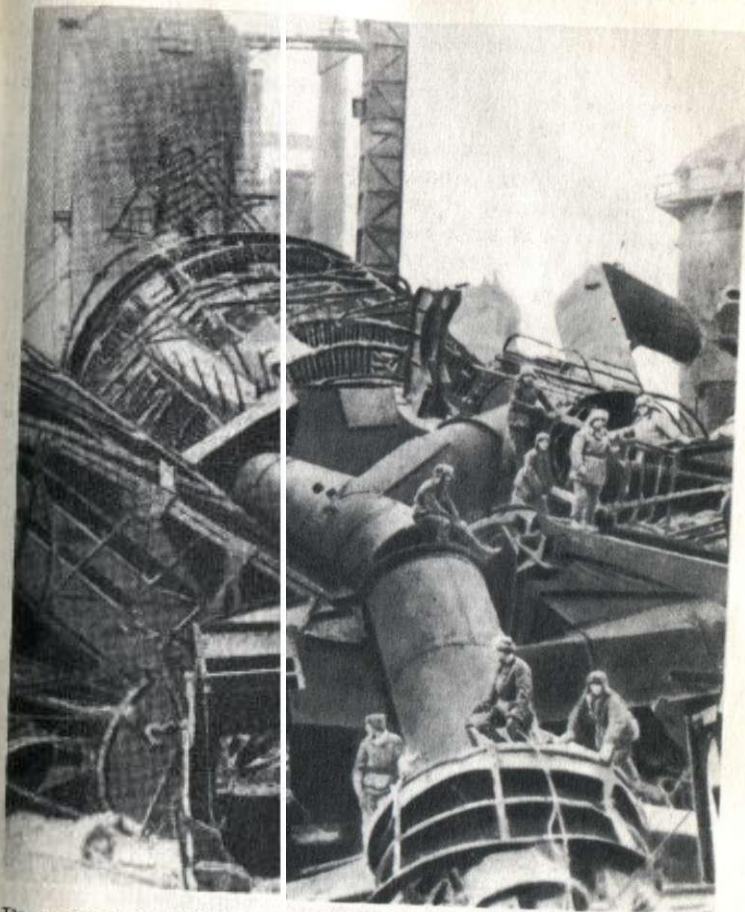
— Первый секретарь обкома создал вокруг Запорожстроя и его кадров атмосферу исключительной партийной доброжелательности, — говорил управляю-

щий Запорожстроем.— Уже замечено: там, где всего труднее, где нас преследуют неудачи, где нервы особенно натянуты, голос первого секретаря звучит ровнее, спокойнее...

Был такой случай. В разгар монтажа доменной печи произошла авария: упал и развалился мощный башенный кран. Кран уникальный, не только в Запорожье — на всей Украине единственный. Беда! Под угрозой срок пуска доменной печи, а до срока — считанные недели. Вздурожена вся стройка. Конечно, появляются комиссии, и не только технические, но и уголовно-следственные. Начинаются обсуждения. Кое-кто впадает в истерику: «Машиниста судить!». На стройку прибывает Л. И. Брежнев. Ознакомившись с обстоятельствами аварии, он требует срочно изменить тон. Зачем сеять атмосферу нервозности и страха? Наоборот, апеллируя к чувству горечи, вызванному несчастьем, нужно побудить людей к поиску разумного выхода из создавшегося положения. И выход был найден. Строители заменили кран системой дерриков, монтаж был продолжен, сроки соблюдены...

Нашу беседу прервал резкий продолжительный звонок телефона. Докладывал итоги работы за сутки главный диспетчер. Трест создал специальную группу инженеров-диспетчеров, которая не только контролировала ход выполнения суточного графика, но и оперативно решала возникающие производственные вопросы, следила за использованием транспорта, устраняла возникающие заминки, вела учет сделанного. Централизованная диспетчерская служба тоже была новшеством в системе управления строительством.

Время позднее. Пора кончать беседу. Закрывая блокноты, вместе с управляющим направляемся на объекты.

Разрушения в доменном цехе «Запорожстали». 1944 год

Первый секретарь Запорожского обкома партии
Л. И. Брежнев беседует с работницами Запорожстроя.
1947 год

Трубомонтажник
Запорожстроя
Иван Румянцев.
1947 год

Министр строитель-
ства предприятий
тяжелой индуст-
рии П. А. Юдин
и академик
И. П. Бардин
на Запорожстрое.
1947 год

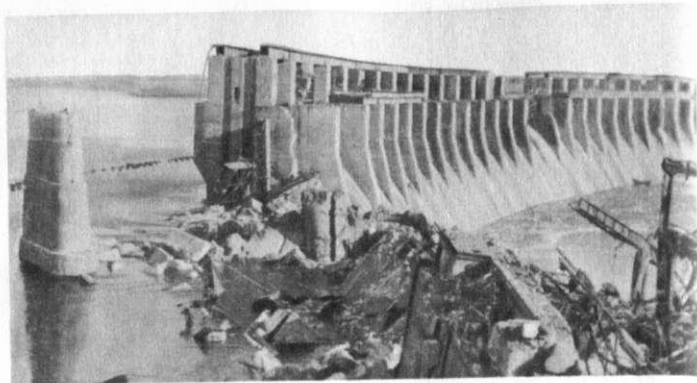

Запорожстрой, 1947 год. В центре — Л. И. Брежнев, справа — управляющий трестом «Запорожстрой» В. Э. Дымшиц

Л. И. Брежнев выступает на митинге, посвященном пуску цеха холодного проката листа. Сентябрь 1947 года

Запорожский стальной лист. 1973 год

Разрушенная плотина Днепрогэса. 1944 год

Памятник
Неизвестному солдату
на территории
Днепрогэса

Бетонщица Днепростроя
Аня Лошкарева. 1946 год

Бетонщица Днепростроя
Полина Шило. 1946 год

Начальник Днепростроя
Ф. Г. Логинов. 1947 год

Главный инженер Днепро-
строя И. И. Кандалов.
1947 год

Заместитель главного инженера Днепростроя
Г. А. Шацкий. 1947 год

Подвеска гирлянды
высокого напряжения
первого агрегата
Днепрогэса.
Февраль 1947 года

Было светло как днем. Огромные прожекторы по-
лосовали густую темень, точно лучи, что пронзали
московское небо по ночам в начале войны, когда на-
летали фашистские бомбардировщики.

Обход начали, если так можно выразиться, с кон-
ца — с прокатных цехов, где решалась судьба тонкого
металлического листа, сегоднешняя и завтрашняя
судьба «Запорожстали». Цех тонкого листа длиною
около полутора километров. Еще не полностью го-
това крыша, но под ней уже монтируют краны, вдоль
стен укладывают паровые, водяные и воздушные ма-
гистралы. На земле ведется монтаж станов, электро-
моторов, насосов, а под землей прокладывают кабе-
ли, канализационные трубы, собирают централизо-
ванную систему смазки. У управляющего широкий
шаг, мы едва за ним поспеваем. На каждом участке
к нам присоединяется сменный начальник, на ходу
докладывает о выполнении суточного графика.

Около двух часов ночи мы встретили у повален-
ных кауперов доменного цеха группу людей, которым
тоже дня не хватало для работы. Это были первый
секретарь Запорожского обкома Л. И. Брежнев и дру-
гие областные руководители.

— Запорожстрой и москвичам спать не дает,— по-
шутил Леонид Ильич.

Он только что вернулся из сельских районов. По-
ложение там сложилось крайне тяжелое. Запорож-
скую область минувшим летом постигла жесточай-
шая засуха, были выжжены посевы, многие колхозы
уже без собственного хлеба, а только февраль, до но-
вого урожая далеко. Деревня недоедает, а кое-где
просто голодает. Недостает и семян. Очень мало ра-
ботников. Тысячи и тысячи запорожцев не вернулись
с фронтов, сложили головы на полях войны. Не
вставшая еще на ноги после фашистской оккупации
деревня должна была выручать и городскую стройку:

по коммунистической мобилизации обкома сельские партийцы и комсомольцы пошли на Днепрострой, на Запорожстрой, на восстановление десятков разрушенных предприятий города и области. По логике, деревня должна была бы накормить город, но момент такой, что город думает, как бы подкормить деревню... Обком уделяет сейчас селу много внимания, и все-таки забота всех забот — Запорожстрой.

Мы поделились некоторыми впечатлениями об увиденном на стройке, рассказали о намерениях «Правды» активно помогать Запорожью.

— На стройку приезжала бригада ЦК ВКП(б), — сказал Леонид Ильич. — Она обследовала состояние партийной работы, а раз партийной, значит, и хозяйственной. Вскрыты упущения, проанализированы наши расчеты. Вопрос будет слушаться в ЦК. К Запорожстрою привлекается внимание всей страны. Несомненно, «Правда» может крепко помочь.

Прямо со стройки, не заезжая ни в обком, ни к себе домой, Леонид Ильич снова направился в сельские районы.

А мы с Вавиловым до утра знакомились с объектами, после чего сели писать корреспонденцию. Как и планировалось, она была напечатана в «Правде» 15 февраля 1947 года под названием «Сегодня на Запорожстрое». В ней кратко излагалась история вопроса, зато довольно подробно освещалось современное положение.

«Сейчас на Запорожстрое большое оживление, — отмечалось в корреспонденции. — Оно особенно ощущается на строительстве прокатных цехов. Обстановка меняется буквально на глазах. Вырастают металлические каркасы, стены корпусов, остекляются крышки. Чувствуется темп, движение. Ежедневно на стройку приезжают новые рабочие, переводимые сюда из других мест.

Но задача решительного ускорения всех строительных и монтажных работ еще не решена. Здесь возникло несколько острейших проблем».

Главный упор в корреспонденции был сделан на обеспечение комплектности оборудования, без чего все усилия коллектива Запорожстроя оказались бы напрасными. Резкой критике были подвергнуты министерства и названы по именам министр тяжелого машиностроения Казаков, министр электропромышленности Кабанов, министр строительства предприятий тяжелой индустрии Юдин, которые не выполнили правительственных заданий по обеспечению стройки всем необходимым в установленные сроки. Были названы факты, приведены примеры.

«Правда» призывала и центральные ведомства, и местные органы незамедлительно помочь стройке, — только в этом случае прокатные цехи «Запорожстали» к осени войдут в строй.

Срок командировки кончался, надо возвращаться в Москву. Но как же могут правдисты покинуть стройку, не показав ни одного стахановца, ни одного рабочего-новатора, когда здесь их сотни и если традицией «Правды» со времен Никиты Изотова и Алексея Стаханова всегда было находить и называть новые имена!

Беседы в партийном, профсоюзном и комсомольском комитетах, встречи с группами, профорганами, просмотр строительной многоготиражки, ознакомление с наглядной агитацией, досками соцсоревнования и только один вопрос: кто же лучший?

Называли много имен, у каждого участка свои герои. Но больше всего и чаще всего слышалось: Иван Румянцев, трубомонтажник. О нем много писала, его «открыла» выездная редакция «Правды» и «Правды Украины» летом минувшего года.

Иван Александрович Румянцев предложил свой

метод сборки труб. Обычно трубопроводы собирали на заданной высоте, а Румянцев стал собирать и сваривать части труб, узлов внизу, на земле, а затем поднимать наверх, производить стыковку и окончательную сборку. Крупноблочный монтаж резко ускорил работы и в то же время обеспечил высокое качество: бригада Румянцева сдавала трубопроводы с оценкой «сделано отлично».

В 1946 году комсомольско-молодежная бригада Румянцева, носившая звание «Бригада Победы», выполнила годовое задание за четыре месяца. Выездная редакция «Правды» и «Правды Украины» посвятила ей целый номер газеты. Здесь был приведен такой эпизод. Начальник участка вызвал Румянцева и дал задание: провести воздухопровод холодного воздуха для котла. Длина — 20 метров, высота — 2, ширина — 1,2 метра, вес — 10 тонн.

— Эту работу при очень хороших темпах, при большом напряжении можно сделать за восемь дней, — сказал начальник участка. — За сколько вы сделаете?

— Думаю, сделаем дней за шесть, — ответил Румянцев. — Поговорю с ребятами...

Посоветовались и пришли к общему мнению: если собрать воздухопровод не наверху по звеньям, нанизывая одно на другое, как делали раньше, а целиком на земле и затем поднять и подвесить, на работу и шести дней не потребуется.

Сделали за четыре дня.

В августе газета выездной редакции опубликовала письмо Ивану Румянцеву от молодых рабочих другой бригады трубомонтажников, руководимой Степаном Чередниченко:

«Товарищ Румянцев!

Мы много слыхали об успехах вашей бригады, о вашем опыте и о ваших методах работы.

Наша бригада монтирует маслопроводы масляных систем тонколистового стана. Все мы молодые рабочие, на производство пришли недавно. Работу свою любим, но многого еще не знаем, да, по правде сказать, и не умеем.

Наш бригадир Чередниченко имеет высокий разряд, большой опыт работы. Этот опыт он передает нам.

Но все мы хотим работать еще лучше, хотим перенять от вас все передовое, новое.

Просим вас, тов. Румянцев, прийти в нашу бригаду, поделиться своим опытом, организацией труда в бригаде, как можно работать еще лучше.

Ждем вас.

Т. Власенко, В. Фоменко, Д. Бабич, Д. Бойко, М. Кобылов, М. Куразов, М. Диканов, бригадир С. Чередниченко».

Румянцев ответил:

«Дорогие товарищи!

...С удовольствием поделюсь своим опытом и знаниями. Думаю, что и в вашей бригаде можно найти немало хорошего. Буду у вас во вторник 20 августа».

Встреча состоялась. Румянцев познакомился с работой бригады Чередниченко, рассказал много технических подробностей, ответил на вопросы, по просьбе молодых тут же показал некоторые свои приемы работы. Но самое главное — он подсказал, каким путем можно и в бригаде Чередниченко, работая «порумянцевски», вдвое сократить время на монтаже маслопровода.

Румянцев пригласил бригаду Чередниченко нанести ответный визит, после которого Степан Чередниченко писал в газете: «Меня поразила чистота и аккуратность, с которой выполнены все работы... Все сделано исключительно добросовестно...»

Иван Румянцев — мастер-универсал. Универсальности он учит и членов своей бригады: все, что возможно, бригада делает сама... Я наблюдал за работой бригады: четкость, организованность, порядок. Нет лишних движений, нет лишних разговоров. Красиво работают румянцевцы! Культурно!»

Так было летом и осенью минувшего года. Где теперь Румянцев, как идут у него дела?

Виктор Вавилов сразу же разыскал Румянцева и с восторгом рассказывал о нем:

— О, это настоящий Стаханов восстановления! Его бригаде недавно поручили сложную работу по установке паропроводов для ТЭЦ на высоте до тридцати пяти метров над землей. Дали срок, считавшийся минимальным, — четверо суток, а бригада сделала за двое. Румянцев сказал, что его бригада сегодня решила взять соцобязательство на два годовых задания.

Не знаю, когда успел Вавилов исписать блокнот, но там были зафиксированы и главные моменты монтажной технологии, и основные даты жизни героя. Трудовая биография Ивана Румянцева началась в сооружении Ярославского резиноасбестового комбината, а затем он строил химические заводы в Воскресенске, Горловке, Кемерово, Чирчике. Он и там применял новшества, но здесь, в Запорожье, достиг совершенства.

На следующий же день, 16 февраля 1947 года, в «Правде» была напечатана наша телеграмма: «Стахановский рекорд монтажника Запорожстроя Ивана Румянцева». Имя Румянцева долгое время не сходило со страниц газеты. К весне 1948 года на Запорожстрое было четыреста румянцевских бригад. Румянцевское движение перекинулось и на металлургические стройки Донбасса.

...По возвращении из Запорожья мы отчитались

перед редколлегией «Правды», и экономический отдел редакции получил указание глаз не спускать с Запорожстроя. Было признано неправильным отсутствием в Запорожье постоянного корреспондента «Правды». Отделу местной корреспондентской сети предложили подыскать человека немедленно или перевести туда собкора из другого города.

Местной сети повезло. Как раз в это время о переходе в «Правду» велись переговоры с молодым, но уже достаточно опытным журналистом, сотрудником «Комсомольской правды» Константином Погодиным. В прошлом сельский учитель и участник коллективизации в Мордовии, восемь лет собкор «Комсомолки» в Туркмении, Донбассе, Поволжье, да к тому же сын маляра-кровельщика (можно сказать, с детства дышал запахом стройки) и сам в молодости рабочий-строитель — чем не корреспондент для Запорожья? Дело спешное, анкета ясная — редколлегия утвердила и без испытательного срока. С письмом П. Н. Поспелова на имя Л. И. Брежнева — «верительными грамотами» — новый собкор в конце февраля отправился на свой важный пост.

По прибытии в Запорожье Погодин прямо с вокзала, оставив жену и двоих малышек в полуразрушенной привокзальной гостинице, направился в обком партии. Представился, и здесь ему сказали то же, что говорили в редакции: «Сейчас главная задача партийной организации — как можно быстрее пустить «Запорожсталь»».

Так у «Правды» впервые появился постоянный корреспондентский пункт в Запорожье. Теперь газета всегда будет в курсе дел на стройке и сможет своевременно оказывать ей помощь.

Несколько месяцев газета «глаз не спускала» с Запорожстроя. На ее страницах публиковались и информация о строительстве, и полемика вокруг него.

Статья «Правды» от 15 февраля 1947 года «Сегодня на Запорожстрое» вызвала отклики раскрытых организаций. Прислали свои объяснения и два министра: Минтяжстрой — П. А. Юдин и Минтяжмаша — Н. С. Казаков. По поводу этих объяснений 8 марта газета опубликовала редакционную статью «Еще раз о помощи Запорожстрою, поставщикам и государственной дисциплине».

Для характеристики стиля «Правды» тех лет приведу отрывок статьи, который относится к Минтяжмашу:

«Если судить по письму, присланному тов. Казаковым в «Правду», Министерство тяжелого машиностроения с необычайной аккуратностью выполняет заказы для «Запорожстали» и чуть ли не дает оборудование раньше срока... Заводы машиностроения обязаны были, мол, до 20 февраля закончить отгрузку 1313,9 тонны оборудования, а по 15 февраля включительно изготовлено было 1327 тонн и отгружено 1116,6 тонны.

Выходит — все в порядке, можно поздравить тов. Казакова с успешным выполнением плана...

Но до поздравлений, к сожалению, еще далеко. Во-первых, в своем письме тов. Казаков умолчал о таком немаловажном факте, что все это оборудование министерство обязано было изготовить еще в прошлом году. Во-вторых, не сказано, что предприятиями министерства заказ «Запорожстали» был сорван. В-третьих, монтировать можно только оборудование, прибывшее на площадку Запорожстроя, а к 20 февраля прислано только 980 тонн оборудования из 1313,9 тонны. В-четвертых, тов. Казаков в своем письме почему-то умалчивает о том, что министерство обязано было отправить на Запорожстрой 10 кранов, а отправлен был на 20 февраля только 1. Государственная дисциплина нарушена. Опровер-

жения можно, конечно, писать и без кранов, но монтировать без них оборудование — трудно.

Не выглядит ли в свете этих фактов письмо тов. Казакова простой отпиской?

К своей отписке тов. Казаков приложил серию фотоснимков, долженствующих показать, в каком состоянии находятся восстанавливаемые цехи «Запорожстали». Тов. Казаков, как видно, судит о положении дел на важнейшей стройке 1947 года лишь по этим фотографиям. Редакция «Правды» предпочла ознакомиться с положением «Запорожстали» на месте через своих специальных корреспондентов. На строительной площадке Запорожстроя нетрудно убедиться в том, что на ряде участков монтажа задерживается как раз отсутствием оборудования».

И далее шли факты, полностью опровергавшие «опровержение» министра тяжелого машиностроения.

Минтяжстрой «Правда» критиковала не столь резко. В редакции хорошо знали, с каким трудом доставалась министру П. А. Юдину концентрация сил и средств на Запорожстрое. Министр подвергался страшному нажиму многочисленных министерств и ведомств, всячески сопротивлявшихся изъятию людских и технических ресурсов с их строек и передаче их Запорожстрою. Дело доходило до драматических эпизодов. На одном из заседаний Совета Министров, где председательствовал И. В. Сталин, раздались голоса с требованием... предать суду Юдина за отвлечение строительных кадров с их объектов. Особенно горячился министр тяжелого машиностроения Н. С. Казаков, его поддержали и другие. Юдин в этот момент был на профсоюзной конференции в Колонном зале Дома Союзов. Сталин предложил вызвать Юдина и сказал:

— Ну, а до прихода товарища Юдина его интересы буду представлять я.

Когда Юдин появился, Сталин предложил ему дать объяснения.

— Тут некоторые министры предлагают вас отдать под суд... В чем там дело? Говорят, у вас линия неправильная.

Юдин ответил, что у него нет никакой другой линии, кроме линии ЦК на концентрацию строительства.

— Мы восстанавливаем тысячи разрушенных предприятий и не в состоянии дать всем сестрам по серьгам, у нас не хватает ни материальных, ни финансовых, ни людских ресурсов. ЦК требует, чтобы мы сейчас сосредоточили стройтехнику, стройматериалы и людей на решающих стройках пятилетки. Чтобы выгадать «Запорожсталь», приходится ущемлять других — иного выхода нет... Мы идем на это сознательно... Кто предлагает меня судить?.. Я знаю, что сильно обижаются Казаков. Но на его заводах десятки объектов, уже законченных строителями, еще не пущены в ход. Это имеет место и в других министерствах...

Раздались реплики с мест. Павел Александрович, обладавший редким тактом и выдержкой, на этот раз не совладал с собой и крикнул угрожающе:

— У нас стоят огромные восстановленные мощности еще не освоенные... Они обошлись в миллиарды. Если бы наш народ узнал об этом, то некоторых прогнал бы с их постов поганой метлой...

В зале заседаний Совмина наступила мертвая тишина. Что теперь будет? Какотреагирует Сталин?

Сталин спокойно сказал:

— Как видите, нет оснований судить товарища Юдина...

После этого заседания Юдин с еще большей настойчивостью — и мужеством! — проводил курс на концентрацию строительства, яростно выступал про-

тив распыления сил и средств. Ранее отстававший Запорожстрой должен был стать огромной школой скоростного восстановления металлургии в первой послевоенной пятилетке.

16 марта 1947 года Совет Министров Союза ССР вынес специальное постановление, обязавшее министерства принять немедленно меры к первоочередному обеспечению Запорожстроя рабочей силой, материалами и оборудованием. Комментируя это постановление, «Правда» 19 марта в передовой статье писала: «Так же, как в годы первых пятилеток вся страна строила Магнитострой и Кузнецкстрой, так и теперь слово «Запорожстрой» должно быть паролем боевой работы не только для строителей, но и для всех тех, от кого зависит быстрое восстановление Запорожского металлургического завода». В том же номере было опубликовано письмо общестроительного слета стахановцев Запорожстроя. Они взяли на себя смелое, может быть, даже дерзкое обязательство: годовой план выполнить почти на два месяца раньше срока — к 7 ноября, годовщине революции.

26 марта 1947 года Оргбюро Центрального Комитета партии подробно обсуждало вопрос о ходе восстановления «Запорожстали». Доклад о состоянии партийно-политической работы сделал парторг ЦК ВКП(б) на Запорожстрое, секретарь парткома Иван Викентьевич Соболевский, содоклад — бригада ЦК, обследовавшая парторганизацию. Председательствовал секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов, участвовал в обсуждении секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов. Все выступавшие пришли к общему выводу: уровень партийно-политической работы резко отстает от требований Центрального Комитета и не отвечает задачам, решаемым на стройке.

А. А. Жданов говорил о государственном значении «Запорожстали»:

— Дело касается независимости нашей Родины. ЦК партии через каждые два-три дня возвращается к вопросу о тонком листе «Запорожстали»... Завод необходимо восстановить в самые короткие сроки. Это диктуется тем, что наша страна должна иметь миллионы автомашин.

Он просил руководителей парторганизации передать каждому работнику Запорожстроя, что Центральный Комитет ВКП(б) обращается к ним с призывом приложить все силы, умение и энергию для восстановления «Запорожстали».

А. А. Кузнецов критиковал партком за допущенную самоуспокоенность, за его терпимость к срыву правительственных сроков.

В итоге обсуждения Центральный Комитет партии 8 апреля 1947 года принял постановление «О работе партийного комитета Запорожстроя». Не часто имел возможность Центральный Комитет заслушивать доклады низовых партийных организаций. Внимание, проявленное к коммунистам Запорожстроя, говорило об их особой ответственности перед партией и страной. А выводы, сделанные в ЦК по докладу одного парткома, имели принципиальное значение для всего строительного дела.

В связи с этим Центральный Комитет ВКП(б) провел совещание секретарей партийных организаций и партторгов ЦК ВКП(б) крупнейших строек страны, секретарей районных, городских и областных комитетов партии, министров строительных министерств, их заместителей, представителей ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Совещание открыл секретарь ЦК А. А. Кузнецов. Он говорил, что партийная работа на многих стройках страдает теми же недостатками, какие отмечены в постановлении ЦК ВКП(б) по Запорож-

строю. Программа капитального строительства на 1947 год была определена в сумме 50 миллиардов рублей; такого объема строительных работ наша страна никогда еще в прошлом не осуществляла за один год. Нужно было ввести в действие крупные производственные мощности в металлургии, энергетике, угольной, нефтяной, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности, построить около 14 миллионов квадратных метров жилой площади в городах и рабочих поселках. Большому размаху строительства должен соответствовать уровень партийного и хозяйственного руководства.

Постановление ЦК ВКП(б) по Запорожстрою послужило основой для всех партийных организаций, но, естественно, первыми должны были извлечь уроки из документа ЦК коммунисты Запорожского горкома, партийные собрания пленум Запорожских организаций Запорожстроя.

Пленум городского комитета партии состоялся 28 апреля 1947 года. Его открыл, вел, а затем выступил с речью первый секретарь обкома и горкома Л. И. Брежнев. Доклад сделал второй секретарь горкома партии Н. П. Моисеенко, в прениях участвовали директор «Запорожстали» А. Н. Кузьмин, управляющий Запорожстроем В. Э. Дымшиц, парторг И. В. Солярищев, члены горкома партии. В речах всех товарищей звучало понятное беспокойство, люди говорили о всякого рода неполадках, приводили примеры безответственности, факты бесхозяйственности.

Когда один из ораторов призвал к борьбе с потереями — возле ТЭЦ лежат горы битого кирпича, допущается много боя стекла и т. д., — Л. И. Брежнев поддал реплику:

— Надо с рабочими об этом говорить! На что оратор откликнулся:

— Портят не хорошие рабочие, а сукины сыны... За ними нужно следить: напортил — к ответственности!

Но секретарь обкома смотрел на проблему борьбы с потерями гораздо шире. «Напортил — отвечай» — еще не выход из положения, совсем не выход. Важнее не допустить порчи, предупредить ее. А это требует воспитания в людях хозяйственного отношения к государственному добру, прямого обращения к рабочим и прежде всего лучшей организации дела.

— С экономией материалов обстоит плохо, — продолжал Л. И. Брежнев. — Вот в цехе холодного листа застеклили окна, здание крышей накрыли, а потом понадобилось произвести взрыв, и все стекла вылетели. Можно же было сначала выполнить взрывные работы, а уж потом застеклить, не так ли? Я не уверен, что после того, как окна застеклят, не понадобится новый взрыв и все опять не полетит... Так что вопросы экономии упираются и в организацию работы. Надо это специально обсудить с инженерами, а потом идти к рабочим. И чтобы не получилось так: рабочих агитируем, а сами стекла бьем...

Самокритичным было выступление на пленуме заместителя председателя облисполкома Ф. Васильева. Но прежде чем рассказать о нем, требуется небольшое предисловие.

В статье «Сегодня на Запорожстрое», напечатанной в «Правде» 15 февраля 1947 года, между прочим говорилось: «Похоже на анекдот, но Запорожский облисполком в момент острейшей нехватки кирпича постановил забрать у Запорожстроя часть кирпича с его завода, расположенного на территории Запорожской области».

Почти месяц облисполком отмалчивался. А затем прислал... опровержение. По этому поводу «Правда» выступила 29 марта с репликой:

«В письме облисполкома от 11 марта сообщается, будто приведенный в статье факт «совершенно не отвечает действительности».

Почему?

Да потому, что «указанный завод никогда не принадлежал Запорожстрою».

Так сказано в шестой строке опровергающего послания облисполкома.

А в девятой строке скромно сообщается, что в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 23 ноября 1944 года завод был... передан в аренду Запорожстрою.

Как же так: «никогда не принадлежал» и «сдан в аренду»? Разве на время аренды завод не принадлежит Запорожстрою?

В опровержении сообщается, что хотя Запорожстрой и должен передавать часть кирпича для нужд области, но облисполком был столь великодушен, что кирпич не брал. Но в редакции «Правды» имеется документ — распоряжение облисполкома № 5 от 9 января 1947 года, которым предлагается забрать у Запорожстроя 500 000 штук кирпича... Кирпич этот забрать у Запорожстроя не удалось только потому, что работники Запорожстроя оказались людьми не столь стоворчивыми и кирпич просто не отдали.

Опровержение в «Правду» подписал заместитель председателя облисполкома Ф. Васильев.

Теперь, на пленуме горкома, тот же товарищ Васильев говорил:

— Мы признавали, что Запорожстрой — важная стройка, что ей надо оказывать помощь, но практически помощь была недостаточной... И только суровая критика со стороны центрального органа нашей партии — «Правды» повернула мозги... И когда мы как следует разобрались, то оказывается, что можем очень многое сделать. Оказывается, мы можем

у себя непосредственно в области изыскать целый ряд строительных материалов. Например, стеновые материалы мы не станем спрашивать с Запорожстрой, нашли возможным изыскать их у себя... Есть и ракушечник в наших карьерах... Стахановцы жалуются, что на стройке недостает кистей, щеток, — мы тоже нашли возможности сделать их у себя...

Ну что же, понимание долга перед Запорожстроем не только центральными, но и местными советскими органами в лице облисполкома можно было только приветствовать.

В марте впервые Запорожстрой выполнил месячный план строительных и монтажных работ. К концу апреля положение на стройке во многом изменилось к лучшему. Тем не менее не было оснований для благодушия. Совсем немного времени оставалось до намеченных сроков пуска теплоэлектроцентрали и доменной печи, а объем невыполненных работ оставался огромным.

— Все ли сейчас делается на стройке для выполнения постановления ЦК? — поставил вопрос Л. И. Брежнев в своем выступлении. И ответил: — Я должен прямо сказать, что еще не все. У нас вызывает определенную тревогу ход восстановления домны и ТЭЦ. Сроки, установленные правительством, находятся еще под угрозой, а действенных мер, чтобы исправить положение, пока что не принято... ЦК отметил, что хозяйственные руководители не сосредоточили всех усилий на решающих объектах. Я утверждаю, что это относится к ТЭЦ и к домне, и требую, чтобы хозяйственное руководство Запорожстрой и «Запорожстали» сделало соответствующие выводы. Товарищи Дымщиц и Кузьмин должны взять под контроль домну и ТЭЦ, детально разобраться с ними, иначе через месяц будем констатировать факт провала... Вы просите сейчас рабочую силу, я

согласен с этим, но имейте в виду: ее нужно просить у ЦК и Совета Министров, помощь людьми может поступить не ранее чем через две недели. Однако я должен сказать, что и сейчас вы обладаете достаточными возможностями, чтобы укрепить пусковые участки.

Л. И. Брежнев подчеркнул принципиальное значение действенного графика не только для строительства в целом, но и для отдельных его объектов.

— Центральный вопрос: ЦК требует от партийного комитета создать на строительстве обстановку напряженной борьбы за выполнение плана, — говорил он. — Я думал над этим вопросом и не представляю себе, каким образом можно создать обстановку напряженной борьбы, не имея в руках соответствующего оружия. Таким оружием является график, с помощью которого можно контролировать, поощрять, и если нужно, то и наказывать, и не просто график, а с ежедневной формой отчетности.

Ежедневная отчетность! Тогда, в сороковых годах, в промышленности и строительстве это было редкостью, да и теперь еще на очень многих предприятиях и стройках не налажен ежедневный учет, хотя ввести его настойчиво требуют участники социального соревнования.

Леонид Ильич сослался на пример сельского хозяйства. Там уровень и руководства, и организации труда был значительно ниже, чем в промышленности, а между тем...

— Возьмите сельскохозяйственные кампании, — говорил он. — В половине второго ночи ежесуточно обком партии имеет данные: сколько посеяно всего, в том числе пшеницы, ячменя, кукурузы и так далее. Или: сколько вспахано, сколько поднято паров. По районно и в целом по области. Я товарищу Дымщицу привозил эти показатели, он видел... Теперь при-

мите во внимание: не каждое село имеет телефон, приходится возить сводки лошадьми за шесть — семь километров, едут верховые в сельсоветы, отсюда все сведения приходят в райкомы, а в половине второго ночи передают нам, в обком. Во время последней — полтора месяца, из ночи в ночь... Вот я смотрю ночью сводку и вижу, что Красноармейский район отстает на каком-то участке. В чем там дело? Я сейчас же звоню туда, выясняю. Если нужно, принимаем решение бюро, командидуем туда группу работников или, если нужно, подбрасываем горючее, запчасти и прочее... Так вот, товарищи, если бы мы скажем, из пятидесяти позиций на стройке выбрали тридцать, которые решают успех дела, и если бы товарищ Дымшиц взял их под ежедневный контроль и партийный комитет тоже, дело бы двинулось далеко вперед...

С болью в душе говорил Л. И. Брежнев о бытовом обслуживании рабочих:

— Ведь это же позор, что в наших столовых не хватает тарелок и ложек, из-за чего рабочие стоят в очереди! А наши пошивочные и ремонтные мастерские? Сколько тут нареканий! Я думаю, сегодня мы должны сказать: мы больше не станем терпеть такое положение в столовых, в торговле... Можно говорить о наших недостатках месяц, два, три, но потом нам законно зададут вопрос: что же вы выступаете, критикуете, а ничего реального не делаете? Я думаю, товарищ Соболевский, — обращается первый секретарь обкома к секретарю парткома стройки, — нужно потребовать партийной ответственности у коммунистов за то, что в общежитиях и столовых пока плохо. У товарища Дымшица, как управляющего, одна сила в руках, но я считаю, что у партийного комитета куда большая сила, чем у управляющего. Мы в большинстве имеем дело с хорошими, преданными коммуни-

стами, но они допускают определенную слабость в работе. Если таких коммунистов затронуть с партийных позиций, у них это вызовет серьезную тревогу... Я не хочу призывать партийный комитет исключать кого-либо из партии или насыпать мешок выговоров. Это тоже не метод воспитания. Но когда мы бездействуем, это очень опасно...

То был конец апреля, а уже в июне предстоял пуск домны и ТЭЦ. ТЭЦ и домна — у всех на устах. Лишь два месяца оставалось до их завершения... А ведь для того, чтобы пустить только одну доменную печь, требовалось возвести целый ряд сооружений для всего будущего доменного цеха.

Да, оставалось лишь два месяца... Но это уже были месяцы отдачи, сбора плодов от всеобщих усилий партии и государства, многих тысяч строителей и металлургов.

Поток оборудования на стройку стал непрерывным, грузы доставлялись экстренно. Концентрировались силы людские и технические на пусковых объектах. Еще и еще уплотнялись считавшиеся «жесткими» графики суток: в их двадцать четыре часа умещали работы, рассчитанные на тридцать, сорок, а то и на пятьдесят часов... Питание решающих строительных участков механизмами, инструментами и материалами стало ровным и точным. Итоги работы учитывались за каждую смену, итоги соревнования немедленно становились общеизвестными.

Свершались самые смелые проекты и новаторские замыслы. Как и было задумано, доменную печь разрезали, приподняли, выпрямили и поставили на место. Подготовка длилась двенадцать суток, операция подъема — всего пять часов тридцать пять минут... Монтаж доменной печи в целом был ускорен по крайней мере на полгода, стало быть, на полгода приблизился и срок получения стального листа.

4 июня криворожские горняки отправили первый эшелон руды для запорожской домны. Вскоре приступили к ее сушке, внутри зажгли большой дровяной костер. Собкор «Правды» Константин Погодин изо дня в день сообщал редакции о температуре печи. И наконец 30 июня, в шестнадцать часов, после шестилетнего перерыва домна выдала чугун. На площадке цеха собралось более шестнадцати тысяч человек. «Благословение» на пуск домны дали глава правительственной комиссии по приемке завода вице-президент Академии наук СССР И. П. Бардин и первый секретарь обкома Л. И. Брежнев.

1 июля 1947 года «Правда» посвятила пуску домны целую полосу. «Наша Родина выиграла еще одну битву на фронте труда... На берегу Днепра зажгли огонь новой домны, символизирующие успехи нашего народа в великой борьбе за послевоенный подъем хозяйства и культуры...» — писала газета.

Еще вчера июньский накал, вызванный пуском домны и ТЭЦ, казался пределом человеческих возможностей, а сегодня тридцатитысячный коллектив строителей и металлургов изготовился к решающей битве. Предстояло как можно быстрее пустить прокатные цехи: слябинг, цех тонкого листа, цех холодной листоотделки.

К этому времени здесь, в Запорожье, слилась военно-энергия многих десятков и даже сотен промышленных, проектных, строительных и транспортных предприятий. Надо отдать должное предприятиям Минтяжмаша и министру Николаю Степановичу Козакову: критика в их адрес была сурова, но к финишу они пришли в числе победителей. Станы, моторы, приборы, аппараты, машины теперь уже были не только укомплектованы, но и смонтированы. Полностью оправдали себя методы параллельности строительных и монтажных работ, «хирургического

«терапевтического» лечения конструкций, колонн, оборудования, стен... И вслед за домной и ТЭЦ в августе — сентябре вошли в строй прокатные цехи.

Как вчера на фронте, сегодня на стройке гремел призыв: «Коммунисты, вперед!» И коммунисты были на самых трудных, сложных, опасных участках. «Правда» в передовой статье 1 июня 1947 года отмечала, что запорожская партийная организация «усилила партийно-политическую работу на стройке, разъяснила строителям всю важность быстрейшего восстановления завода и вызвала энтузиазм, который сметает с пути любые преграды, побеждает любые трудности».

Бюро Запорожского обкома партии жило стройкой — ее большими, перспективными и малыми, повседневными заботами. Находило способы решения материально-технических проблем, занималось политическим воспитанием людей и их бытовым устройством. По предложению Л. И. Брежнева Запорожстроем был составлен план бытового обслуживания строителей, в котором предусматривалось и большое — от строительства жилищ до торговли горячими пирожками на строительной площадке. Работники аппарата обкома и горкома были рекомендованы на посты секретарей первичных строительных парторганизаций. Что касается первого секретаря обкома, то он не только жил стройкой, но и жил на стройке. У Леонида Ильича там была своя комната с диспетчерской связью. Рабочий день он начинал на Запорожстрое, продолжал в обкоме и возвращался на стройплощадку ночевать, как к себе домой.

Ранним утром первый секретарь обкома вместе с управляющим Запорожстроем, директором «Запорожстали», главным диспетчером, другими специалистами и администраторами совершал обход пусковых объектов: домна, ТЭЦ, слябинг, прокат... Или — про-

кат, слябинг, ТЭЦ, домна... К участию в обходе привлечен и журналист. Владимир Репин, заведующий промышленным отделом областной газеты «Большевик Запорожья», мне рассказывал:

— В конце марта сорок седьмого года, после как в ЦК партии слушался отчет парткома Запорожстроя, по предложению товарища Брежнева бюрокома решило послать на стройку выездную редакцию «Большевика Запорожья». Меня назначили руководителем. Наша выездная работала с апреля по июнь до пуска домны... Однажды Леонид Ильич сказал мне: «Я попрошу вас так спланировать свою работу, чтобы вы могли присутствовать при утреннем обходе... Всякий раз узнаешь много ценного. Вам, редактору выездной газеты, обязательно нужно знать, что происходит ежедневно, как идут дела на каждом объекте. Действительно, обход был исключительно интересным, давал массу информации... Как правило, начальники участков докладывали о проделанном за минувшие сутки, жаловались на нехватки. На местах принимались оперативные решения или давались указания главному диспетчеру — проверить, выработать, доложить или решить... По существу, это был контроль за графиком, и участие секретаря обкома придавало этому контролю высокий авторитет и большую действенность. Кроме того, любой участник восстановления, а не только руководители, имел возможность встретиться с секретарем обкома, переговорить с ним, он был доступен каждому. И такие беседы — с прорабом, мастером, рабочим — завязывались всякий раз... Кстати сказать, участие редактора выездной газеты в обходе, да еще по инициативе секретаря обкома, повышало вес газеты в глазах хозяйственных и партийных работников стройки...

На площадке Запорожстроя имел «прописку» Павел Александрович Юдин. В самом, можно сказать,

центре строительных работ, в прокатном цехе, стоял одноэтажный деревянный «домик министра», где он останавливался во время своих частых визитов. В разгар работ он приезжал, вернее, прилетал каждое воскресенье, и не один, а с руководителями различныхстроек. Юдин привозил их «на урок» в школу передового строительного опыта.

Здесь было чему поучиться. Иной раз представляется, что уроки Запорожстроя могли бы и теперь пойти впрок строителям, хотя, конечно, и время, и масштабы другие.

Подумать только! В течение четырех месяцев 1947 года были пущены доменная печь, теплоцентраль, слябинг, цех тонкого листа, цех холодного листопроката.

Такого еще не знала история советской металлургии. Специалисты уверяли, что такого не знала и мировая металлургия.

Не раз приезжал на «Запорожсталь» и министр черной металлургии Тевосян, придирчиво наблюдал за качеством монтажа, требовал устранения малейших недоделок. Резко возражал против оставления каких-либо «временок». Все должно быть сделано основательно и навсегда.

В конце сентября, когда я в очередной раз встретился с Тевосяном, он вспомнил нашу беседу февральской ночью и, разводя руками, сказал:

— Как хотите, но я становлюсь верующим. Верующим в чудеса. Ведь год, целый потерянный год, нашли и вернули... Интересно, а как трактуется слово «чудо» в словарях?

И улыбнулся своей неожиданной мысли. Нажал пальчиком на диспетчерском телефонном аппарате и сказал громко, не поворачивая головы:

— Принесите Ушакова. На букву «ч».

Через минуту принесли четвертый том «Толкового

словаря русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, изданный, кажется, перед самой войной. Тевосян нашел на 1302-й странице слово «Чудо» и стал быстро читать вслух:

— «Первое. В религиозных и мифологических представлениях — явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы. «Чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и боги, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудеса». Это писал Достоевский... Нет, не то. Почитаем дальше... «Второе. Нечто небывалое, сверхъестественное, фантастическое... «Там чудеса: там леший бродит, русалка на ветвях сидит»». Это из Пушкина. Опять то... «Третье. Предмет, явление, действие, вызывающее общее удивление своей необычностью (грандиозностью, великолепием и т. д.)... Высшее, поразительное проявление чего-нибудь... «Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма». Это говорил Владимир Ильич Ленин.

Здесь Тевосян вскочил со своего кресла, высовываясь над головой торжествуя помахал тяжелым томом и с радостью воскликнул:

— Чудеса пролетарского героизма! Так разве трудно было проката за четыре месяца не есть чудо? Чудес?

Он набрал номер телефона. Услышав отклик, сказал кому-то о своей находке в словаре Ушакова. И попросил:

— У меня здесь правдист, которого вы знаете. Скажите ему два слова о Запорожье...

Передавая мне трубку, Тевосян предупредил, что у аппарата академик Иван Павлович Бардин, председатель правительственной комиссии он тотчас что производил приемку «Запорожстали».

— Я потрясен в высшем, лучшем смысле этого слова... — сказал Иван Павлович. — Если будете писать, можете сослаться на меня: запорожцы достигли такого темпа, какого не знала практика строительства подобных гигантских металлургических предприятий ни в довоенные пятилетки, ни в годы Отечественной войны. Но меня потрясли даже не столько темпы, сколько качество исполнения. Я еще не видел на своем веку ни одного нового металлургического завода, который сдавался бы в такой степени готовности...

3 октября 1947 года «Правда» поместила рапорт об окончании восстановительных работ первой очереди, подписанный секретарем обкома Л. Брежневым, управляющим Запорожстроем В. Дымшицем, директором «Запорожстали» А. Кузьминым, партгором ЦК ВКП(б) на строительстве И. Соболевским и другими руководителями. И тут же опубликована дружная телеграмма И. В. Сталина:

«Советский народ высоко оценит самоотверженный труд рабочих, инженеров и техников, успешно справившихся с восстановлением первой очереди завода «Запорожсталь».

Ваша работа показывает, как советские люди, применяя передовые социалистические методы труда, решают большие и сложные задачи по возрождению предприятий, разрушенных немецкими оккупантами».

Через день первые вагоны тонкого листа прибыли из Запорожья на Московский автомобильный завод, ныне носящий имя И. А. Лихачева.

«СОЛНЦЕ УКРАИНЫ»

«Солнцем Украины» поэтично образно нарекли Днепрогэс еще при его появлении на свет в тридцатых годах. Не знаю, кто первый, мне запомнилось стихотворение Александра Жарова, написанное перед самым концом войны и посвященное уже второму рождению Днепрогэса. Оно так и называлось — «Солнце Украины» и было напечатано в газете, которую выездная редакция «Правды» издавала на Днепрострое.

Была зловещей тьмы завеса
Штыками сорвана с Днепра.
И у развалин Днепрогэса
Тотчас собрались мастера.
Вслед за бойцами на плотину
Они несли свои мечты
О том, чтоб солнце Украины
Вновь поднялось до высоты.

Днепрогэс еще именовали сестрой «Запорожстали». Старшей. Гидростанцию начали строить в 1927 году, пустили в 1932-м. Вблизи нее были воздвигнуты заводы, питающиеся дешевой энергией с помощью могучей украинской реки, и в их числе крупнейшая металлургия — «Запорожсталь». Завод начал строиться в 1930 году, первая домна была задута в 1933-м.

С Днепрогэсом делила «Запорожсталь» и славя эпохи социалистической индустриализации, и горькую немейко-фашистского пленения, мучительную пытку разрухи.

Теперь, в первые послевоенные годы, «сестры» возвращались к жизни. Их опять звали именами

станций: Днепрострой, Запорожстрой. До пуска станции и завода здесь владыками были строители...

Днепрострой как бы по старшинству и в годы послевоенного восстановления опережал Запорожстрой: нужно было как можно скорее дать электрическую энергию для всей возрождающейся промышленности Приднепровья и Донбасса. К середине февраля 1947 года Днепрострой шел впереди: на гидростанции первая турбина вступила в «пусковой период», а Запорожстрой находился в глубоком прорыве.

На Днепрогэс еще в конце декабря 1946 года стали прибывать московские журналисты, чтобы подготовиться к торжеству пуска турбины. От «Правды» — специальные корреспонденты Борис Галин и Иосиф Павловский. В новогоднем номере они выступают с очерком «Огни на Днепре». Павловский остается в Запорожье надолго: он имеет задание собрать крупную подборку — статьи, очерки, хронику. Все это следовало заблаговременно написать, набрать и даже сверстать, чтобы с получением в Москве рапорта о пуске Днепрогэса можно было материалы, как говорят газетчики, «поставить в номер».

В феврале 1947 года редакция «Правды» направляет в Запорожье еще двух специальных корреспондентов — Виктора Вавилова и автора этих строк, но стюкд не по праздничному поводу, а чтобы подготовить критическое выступление об отставании Запорожстроя. Но, прибыв в Запорожье, мы решили прежде всего свидеться с Днепрогэсом. Да кто бы из журналистов и вообще командированных ни попадал в Запорожье, он шел с первым поклоном к Днепру. Днепрогэс с гигантским овалом плотины волнует особую, неповторимую торжественностью. К Днепрогэсу идут, как к Кремлю в Москве, как на Дворцовую площадь или Марсово поле в Ленинграде.

На разбитом вокзале станции Запорожье нас

встретил Павловский. Не терпелось увидеть Днепро-строй, а потому шестнадцатикилометровая дорога к плотине показалась нам необычайно длинной. После освобождения Запорожья прошло более трех лет, но о войне напоминала каждая площадь, каждая улица. Восстановленные здания чередовались с пустырями. На иных домах лежали свежие кирпичные заплаты, другие держались на подпорках из бревен.

Я спросил Павловского, что он знает и может сказать об общей ситуации в Запорожье. В ответ он вынул из своей папки газету, сложил и втиснул в мой карман.

— Это номер местной газеты «Большевик Запорожья» за тринадцатое октября прошлого года, посвященный трилетию освобождения области, — похвастался Павловский. — Там напечатана статья первого секретаря обкома. В ней сказано все...

Обстоятельная статья первого секретаря Запорожского обкома партии Л. И. Брежнева под названием «Три года творческого труда на возрождение Запорожской области» занимала целую полосу. В ней действительно было «сказано все»: и о чудовищных разрушениях, принесенных войной, и о ходе восстановления промышленности, сельского хозяйства, и о жилищном и культурном строительстве, и о задачах областной партийной организации в первой послевоенной пятилетке.

«Страшное зрелище предстало глазам воинов Красной Армии, освободивших город, — писал Л. И. Брежнев. — Груды развалин громоздились там, где перед войной высились домы «Запорожстали» цехи алюминиевого и ферросплавного заводов, красавица Днепрогэс им. Ленина, корпуса «Коммунар» завода им. Баранова и многих других предприятий. И привел страшную цифру: ущерб, причиненный фашистским нашествием народному хозяйству и насе-

жению области, достиг почти девятнадцати миллиардов рублей.

«С первых же дней освобождения города, — говорится в статье, — трудящиеся взялись за восстановление промышленности, сельского хозяйства, культурных учреждений. Буквально под огнем вражеских батарей, обстреливающих город из-за Днепра, двупали они к восстановительным работам. Началось возрождение города, его индустриальных гигантов — совхозов и колхозов области. Напряжен и сложен был труд рабочих, колхозников, интеллигенции области. Надо было восстанавливать, не имея строительных материалов, пахать, не имея тракторов и плугов, тягла, учить детей в разрушенных школах, лечить больных в разграбленных больницах.

Прошло три года со времени освобождения города... Срок небольшой. Но для советского народа он был достаточен, чтобы показать чудеса трудового героизма, подлинный пафос восстановления».

Только за два года после освобождения было пущено 387 предприятий (прежде их было 671), и они дали почти треть довоенной продукции, отмечал Л. И. Брежнев. Восстановление предприятий, как правило, связано с их большой реконструкцией; они не просто возрождаются, но и расширяются, оснащаются более совершенной техникой. В качестве одного из примеров автор привел Днепрогэс, где устанавливаются более мощные турбины и генераторы. Гидростанция «возрождается не только более могучей, но и остается из развалин красивее, богаче».

Секретарь обкома писал об основной силе возрождения — рабочем классе, самоотверженной армии строителей, призывал шире насаждать стахановские методы труда.

«...Хочется отметить образцы высокой производительности труда, благородные примеры, достойные

всяческого подражания», — писал Л. И. Брежнев первым привел пример днепростроевцев, отличающихся в канун празднования трехлетия освобождения Запорожской области:

«В августе «Бригада Победы», ведущая облицовочные работы в машинном зале Днепрогэс, которой руководит опытный гранитчик-мраморщик Порфирий Моисеевич Дегтярь, выполнила месячное задание на 239 процентов, а сам тов. Дегтярь — на 380. В сентябре бригада выполнила месячное задание на 310 процентов. Таких бригад на Днепрострое сотни. Это бригада Марии Тарасенко, бетонизирующая откосы порту им. Ленина и выполняющая нормы на 210, 220 процентов. Это кузнец Андрей Вивтинец, дающий 3—4 нормы за день. Это Надя Остапенко, девушка, недавно пришедшая из села и дающая по две нормы в смену.

Заслуженной славой пользуется бригада монтажников Касапова Ивана, работающая на установке первой турбины Днепрогэс. Августовское задание она выполнила на 290 процентов, стойко держит первенство среди других бригад гидромонтажа».

Статью эту я прочел позже. А сейчас мы, притиснутые, с трепетным волнением подъезжаем к плотине, где бывали в прошлом не раз, к Днепру, с которым связаны и воспоминания юности...

Прежде чем переехать на правый берег Днепра, мы постояли на левом. Сильный морозный ветер вырвал полы наших пальто, шапки мы удерживали в головах закоченевшими пальцами, но не было оторваться от чарующего зрелища. Во всякое время года, в любую погоду панорама Днепрогэса изумительна. В солнечные ясные дни кажется, что голубая лента Днепра впадает в синюю чашу запорожского неба, а щедрое высокое солнце как бы заряжает своим светом и теплом создание рук человеческих

искусственное «солнце Украины». Нам повезло: день такой до прозрачности ясный. Водное зеркало по правую сторону плотины казалось застывшим, и в нем отражались блики холодного февральского солнца, а через водосливную плотину, шипя, обрушивались седые воды.

Только по возвращении в машину у нас раскрылись рты. Стали вспоминать о своих прежних встречах с Днепром; самые свежие были у Павловского, самые древние — у меня. Разумеется, мы с Вавиловыми набросились на Павловского, хотели за несколько минут езды до конторы Днепрогэса узнать все подробности. Я же отложил свои подробные воспоминания на свободное время, но в ту поездку его так и не нашлось.

«Древней» можно считать всю историю Днепра до постройки ГЭС — это миллионлетия. Современная началась с сооружением плотины, перегородившей реку и за какие-нибудь считанные десятилетия корне преобразовавшей ее географический и экономический облик.

Мне довелось впервые побывать в том районе Днепра, где теперь стоит станция, когда ничто еще не говорило взору об ожидавшихся здесь крутых перепадах. Летом 1926 года я участвовал в культпоходе комсомольцев Кировограда по местам славы Украины. И хотя каждый из нас мечтал увидеть место, где некогда была знаменитая, воспетая кобзарями Запорожская сечь, в плане культпохода переправа через днепровские пороги не значилась; река здесь неудоходна, нет сквозного водного пути. Однако, приехав в Днепропетровск пароходом, мы узнали, что «сверх программы», но только на собственный страх и риск (а также и на собственный счет), экскурсантам робкого десятка предоставляется возможность совершить переправу через пороги. Есть поселок, ка-

жется, под названием Лоцманская Каменка, где испокон веку живут великие мастера вождения лодок по гребню разъяренных днепровских волн. Мы разыскали этот поселок под вечер, нашли лоцмана, художника бритоголового старика с опущенными, точно на старинной украинской картинке, казацкими усами, договорились о плате. Он сказал, что готовить лодку придется всю ночь. Пока он колдовал над ней, скрежет и смолел, мы залегли в траву на днепровском берегу и с недопетой песней уснули. Экспедиция началась поутру. Прежде чем усадить нас в челн, выдолбленный из куска дерева, старик помолился. Перекрестившись в последний раз, воскликнул: «Бог помочь! Поехали-поплыли!».

Кто не помнит слов Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Чуден Днепр при тихой погоде...»? Они навсегда вошли в нашу память вместе с первыми прочитанными книжками, и в нашем сознании с детства отложилось лирическое видение милой, величаво-спокойной реки. Ночь, светит луна, плывет челн, дремлют вдали заросшие лесом курганы — сколько таких мотивов запечатлено на холстах живописцев!

Но совсем не таким мы увидели (и почувствовали) Днепр в зоне порогов. И не Гоголя вспомнили, а Тараса Шевченко: «Ревет и стонет Днепр широкий». Хотя Днепр показался здесь не таким уж широким, стон и рев стояли невообразимые.

Описание перехода через днепровские пороги есть у Валентина Катаева («Почти дневник»):

«Река на порогах шумела, как сотня мельниц. Мы шли вдоль дикого острова Хортица, вдоль плоской полосы песка, заросшего камышами и вереском. Дальше берег Днепра громоздился тлыбами серого гранита. Чудовищные его обломки во множестве валялись, как после циклопической битвы, посередине

реки, преграждая ее течение. Стесненная вода сердито бурлила и рвалась среди них, отыскивая ходы и покрывая сивый гранит бешеной своей пеной...

Лодку стало крутить... Лодка перестала слушаться весел. Скрещивающиеся течения, щелкая каменщиками, бросали нас во все стороны. Они ударили то в правый борт, то в левый. Иногда мне казалось, что вот сейчас мы налетим на скалу и разобьемся в щепки.

Однако лодочник оказался человеком бывалым. Не теряя спокойствия, он осторожно, как бы исподлобья, почти не работая веслами, выводил лодку из водоворота, не давая ей коснуться камня. Минут десять продолжалась эта упорная, кропотливая борьба с обзеленной водой».

Такое же ощущение испытали и мы, но нам показалось, что длится оно не десять минут, как у Катаева, а целые часы. Наша лодка пересекла не один, а несколько порогов. Лодочник честно отработывал свой «куш», а мы втайне молили небо о приближении конца путешествия.

Давно мечтали люди уничтожить пороги, сделать Днепр судоходным. Какие только не возникали проекты: прорыть каналы, насыпать дамбы, взорвать подводные скалы. Но лишь в советское время сбылась мечта многих поколений. Плотина подняла воды Днепра, и пороги были затоплены. С самого начала ДнепрогЭС проектировался как промышленный комплекс — гидротехнический, энергетический и транспортный. В ленинском плане ГОЭЛРО говорилось: «Сосредоточивая в одном месте падение воды, наблюдаемое ныне в пределах порожистой части р. Днепра, можно создать гидроэлектрическую станцию колоссальной мощности и вместе с тем превратить этот, ныне порожистый участок Днепра в судоходный». Проект разработал инженер, впоследствии академик

Иван Гаврилович Александров, участник создания плана ГОЭЛРО. О своем проекте Иван Гаврилович доложил Ленину, и Владимир Ильич сказал Александрову: «Я ваш сторонник и помощник».

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Днепрострой был самой популярной — нет, самой любимой! — стройкой страны. К тому времени первенец ленинского плана ГОЭЛРО Волховстрой уже был завершен: в декабре 1926 года состоялось торжественное открытие Волховской гидроэлектростанции мощностью 58 тысяч киловатт. В сравнении с ней Днепровская гидроэлектростанция представлялась колоссом. Судите сами: она была рассчитана на среднегодовую выработку 2,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, тогда как в 1913 году в России было произведено 2 миллиарда киловатт-часов.

Днепрогэс строил весь советский народ. Это не образное выражение, не фраза публициста. Его сооружали не только те пятнадцать — двадцать тысяч рабочих и колхозников, которые крушили гранитные скалы, укладывали бетон, меняли русло реки, монтировали оборудование. И не только десятки тысяч металлургов, которые создавали турбины, генераторы, шлюзовые механизмы, аппараты и приборы для передачи электроэнергии на далекие расстояния. В его сооружение внесли свой вклад еще и десятки миллионов людей, отдававших в кредит государству свои сбережения. Подписка на первые займы индустриализации проходила под лозунгом: «Даешь Днепрострой!».

С берегов Днепра поступали в «Правду» вести о производственных подвигах, об ударниках первой пятилетки, о советских трудовых рекордах. Со страниц газеты они становились известными всей стране, всему миру. Когда стройка встречалась с трудностями, «Правда» призывала помочь Днепрострою, а в ре-

шающие месяцы 1930 года направила туда свою выездную бригаду. Правдисты не только писали статьи и очерки. Вместе с тысячами землекопов, бетонщиков, монтажников они выходили на коммунистические субботники и воскресники. С гордостью вспоминали журналисты о том, как они таскали камни, расчищая дно Днепра для бетонировки.

Как и во время строительства, правдисты были с днепростроевцами в дни восстановления Днепрогэса. С 4 апреля 1945 года — еще шла война — в Запорожье начала выходить газета «Правда» на Днепрострое». Двести восемнадцать дней работала здесь выездная редакция «Правды», созданная по решению ЦК ВКП(б). Она выпустила двести номеров газеты, полторы сотни листовок, «молний», плакатов, брошюр, памяток. Руководил выездной редакцией бывший военный корреспондент Иосиф Павловский, тот самый, что теперь нас встретил в Запорожье и везет на Днепрострой... Ну, конечно, он здесь свой человек, его все знают, и он знает все, что относится ко второму рождению Днепрогэса.

У меня в руках «Правда» на Днепрострое» от 29 октября 1945 года — специальный выпуск для колхозников Украины. Вверху обращение: «Восстановим Днепрогэс — солнце Украины!» Ниже читаю: «Днепрострой — всенародная стройка. На восстановление гидроэлектростанции добровольно прибывают тысячи трудящихся со всех концов Украины. 20 000 запорожских колхозников работало на Днепрострое. Их благородный почин нашел широкий отклик в нашей республике. 1400 колхозников Херсонской области работали в течение 25 дней. Восстанавливать Днепрогэс помогали свыше тысячи трудящихся Мелитополя... С каждым днем увеличивается объем работ на Днепрострое. Стройке не хватает рабочих... Приезжайте, товарищи...»

В этом номере напечатаны письма ударников восстановления. «Мы сражались за Родину, а теперь восстанавливаем Днепрогэс» — так называлась заметка А. Безменова, бывшего фронтовика, участника рейдов в глубокий тыл противника, орденоносца, работающего прорабом участка бетонных работ правого берега. Рядом заметка бригадира бетонщиков участка плотины Дуси Орел, приехавшей на стройку вместе с подругами из колхоза «Огонек» Херсонской области. Она пишет о том, как гордятся девушки ее бригады, что участвуют в восстановлении электростанции имени Ленина.

Крупным шрифтом набрано сообщение: «Как снабжаются днепростроевцы». Оно напоминает о времени, когда страна жила на карточном пайке. Плотники, маляры, машинисты паровозов и кранов, кузнецы, молотобойцы, такелажники, грузчики, лесорубы, сварщики, кочегары, слесари-монтажники и рабочие других ведущих профессий Днепростроя получали 3200 граммов мяса или рыбы, 900 граммов жиров, 2 килограмма крупы, 500 граммов сахара, 25 граммов чая, 400 граммов соли в месяц и килограмм хлеба в день. Кроме того, если рабочий выполнял сменную норму, он получал второе горячее блюдо, на которое шло 50 граммов мяса или рыбы, 50 граммов крупы и 10 граммов жиров.

И это паек не кого-нибудь, а днепростроевца. Рабочих ударных строек страна снабжала лучше, чем всех остальных, но и их паек был далек от желаемого.

Выездная редакция регулярно посылала из Запорожья в «Правду» материалы о ходе восстановительных работ. 2 июня 1945 года — еще и месяца не минуло со Дня Победы — «Правда» выступила с целой страницей под шапкой «Поднимем из руин Днепрогэс — крупную энергетическую базу нашей стра-

Собственно, с наступлением мира это было первое крупное выступление «Правды» на тему хозяйственного восстановления. В страстно написанном очерке специальный корреспондент «Правды» А. Корнеев рассказывал, с чего начиналась вторая жизнь Днепрогэса. В опустевшее, замолкшее Запорожье, где на каждом шагу еще чувствовалась война, ранней весной сорок четвертого года приехала небольшая группа строителей. Негде было примоститься. Под жерсть приспособляли сожженные дома. Освободили улицы от обломков зданий, а на месте, где стояла разрушенная плотина с электростанцией, начали подготовку к расчистке фронта работ. Днепростроевцам второго призыва предстояло повторить подвиг днепростроевцев двадцатых — тридцатых годов. Они знали, что будет невероятно тяжело, что работать придется не щадя себя, и были готовы на все. Поражительна моральная сила этих людей, только что переживших войну, оккупацию, разорение, потери родных и близких. Само слово «Днепрогэс» призывало к трудовому мужеству, оно олицетворяло романтику первых пятилеток, времени великого и прекрасного.

В Запорожье мне не раз вспоминались слова Серго Орджоникидзе. На торжественном открытии Днепрогэса 10 октября 1932 года он говорил, что много десятков лет человеческая мысль билась над тем, как использовать воды Днепра, но только под руководством нашей партии, при единодушной поддержке всего пролетариата можно было заковать Днепр в железобетон и поставить на службу социализму.

— Эта станция построена нашими силами... — скажет Серго. — А сколько хныканий было среди маловоющих, сколько было злорадства по ту сторону границы, когда мы начинали строить это гигантское сооружение... Неверующие и сомневающиеся, милости

просим убедиться — Днепровская гидроэлектростанция вступила в строй!

Да, первый Днепрогэс был пробой наших сил. И в то же время трудным экзаменом на овладение строительной техникой, школой советских энергетиков. Уж не знаю, почему бытует представление, будто Днепр укрощали «вручную», — мне не раз приходилось об этом слышать. Возможно, в памяти многих глубоко запечатлелись фотографии и кинокадры первых месяцев стройки с изображением множества телег — грабарок, землекопов с лопатами, камнеломов с кирками, тысяч людей, утаптывающих бетон ногами. Да, с этого начиналось. Но Днепрострой больше, чем какая-либо другая стройка первой пятилетки, был оснащен механизмами. Здесь действовали бетонные, камнедробильные, лесопильные, механические, деревообделочные заводы, паровозное и вагонное депо, полевые мастерские. Еще в феврале 1931 года на конференции работников промышленности Серго Орджоникидзе говорил:

— Когда я смотрел Днепрострой и видел, как там все механизировано, мне ясно стало, в чем фокус американских темпов. Скажите, пожалуйста, если бы вы вздумали только человеческими руками поднять Днепрострой, мы его и в 20 лет не построили бы.

Второе рождение Днепрогэса тоже началось с ручного труда. Чтобы засветило «солнце Украины», пришлось сперва зажечь коптилку. По вечерам работали при свете керосиновых фонарей. В апреле 1944 года была пущена электростанция мощностью три киловатта. Четыре лошадиные силы. Но какой это был праздник! Даже старые днепростроевцы как дети малые радовались пуску крохотного движка, который обычно использовали для зарядки аккумуляторов, словно не их руками была создана гидроэлектростанция, заливавшая светом Донбасс и Приднепровье.

О том, как тяжело приходилось на первых порах, можно судить по постановлению бюро Запорожского обкома партии от 17 марта 1944 года. Обком вынужден был потребовать, чтобы для Днепростроя изготовили пять тысяч мисок и две тысячи ложек, а также просить Совнарком УССР «распределить заказ Днепростроя на изготовление 500 бричек, из коих: 300 одноконных и 200 пароконных» (легковые машины были тогда на вес золота). Нужда ощущалась буквально во всем, и, чтобы выделить Днепрострою экземпляров центральных газет и несколько сотен экземпляров местных, тоже требовалось решение бюро обкома... Не дожидаясь, пока придет техника, люди сутками — в рабочее и нерабочее время — ломали и топили корчевали, разбирали, расчищали завалы. А вскоре появилась и техника. Восстановлены были старые предприятия, мастерские, построены новые. Стремительно приезжали строители со всех концов страны. С Урала они привезли с собой краны, тягачи, автомашины. Армия, прославленная битвами за Днепр, направляла теперь сюда своих демобилизованных солдат и офицеров.

Особую помощь, естественно, оказывала запорожская областная партийная организация. В своем решении, о котором уже говорилось, бюро обкома партии предложило вернуть Днепрострою всех работавших там до войны квалифицированных рабочих, инженеров и техников, где бы они теперь ни были заняты в области.

Так же, как и в первый раз, Днепрогэс создавался главным образом руками молодых. В 1945 году Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление об участии комсомольских организаций Советского Союза в производственной помощи Днепрострою — заготовке и доставке строительных материалов, исполнении заказов на оборудование, сборе инструмента.

По путевкам комсомола приезжали на стройку юности и девушки, здесь они обретали рабочую профессию, жизненный опыт, духовную закалку. Как отмечала «Правда» 21 февраля 1945 года, «строители — сыновья и дочери тех, кто в годы первой пятилетки строил Днепрогэс, — не знают непреодолимых трудностей, они выбросили из своего обихода слова «не умею».

Первыми ударниками и стахановцами Днепростроя были комсомольцы. Так сложилось, что тон задавали девушки. На стройке гремели имена Ани Лошкаревой, Полины Шило, Дуси Орел, Паши Коробовой, Анны Безродной.

Аня Лошкарева приехала с несколькими подругами по комсомольской путевке из уральского села. Ей было восемнадцать лет. Она пришла в контору строительства и попросила только об одном: чтобы ее направили туда, где особенно нужны «сильные руки». И никаких других условий.

— Вначале мы приспособивали под жилье коробки зданий, которые могли защитить хотя бы от ветра и дождя, — вспоминала Аня. — Спали на полу, подстелив сено... В комнатах не было никакой мебели — ни столов, ни шкафов, ни даже табуреток... Ходили в ботинках на деревянной подошве...

Аня сперва была грузчицей — работала на разборке завалов, на сооружении дамбы. Ее бригада первой завоевала звание фронтовой. Через какое-то время девушек перевели на строительство бетонного завода. Строили и учились на мотористок. Аня стала мотористкой, первым бригадиром мотористок, а затем сменным мастером бетонного завода.

На стройке мне рассказали, будто Аня Лошкарева по какой-то причине попала в больницу и сбегала оттуда, прыгнув с балкона второго этажа. При встрече с Аней я спросил, можно ли верить слухам.

— Это случилось при разгрузке вагонов с песком, их заждались, уже начинался простой, — ответила Аня. — Не терпелось открыть вагон, я приподняла дверь ломиком, она свалилась на голову, и меня, без памяти, отвезли в больницу. На следующий день вернулось сознание. После смены девчонки пришли известить, принесли подсолнушков — другого лакомства не было — и сказали, что им без меня трудно. А врач на все мои просьбы свое: «Полежишь с недельку — там видно будет». Тогда я, верно, спрыгнула с балкона и побежала на работу. Вот смеху было, когда обнаружили пропажу в больнице...

Из колхоза Запорожской области пришла на стройку Полина Шило. Она организовала комсомольско-молодежную бригаду бетонщиц, все девушки овладели двумя-тремя профессиями. Если на Днепрострое для комсомольцев стало всеобщим правилом — приказным, не кем-то навязанным, а правилом души — не уходить с площадки, пока не выполнено задание, то бригада Полины Шило оставляла свое рабочее место только тогда, когда перевыполняла план полтора — два раза.

Комсомольско-молодежные бригады Паши Коробовой и Дуси Орел бетонировали плотину. Обе бригады поражали высокой выработкой (двойная норма) и отличным качеством бетонирования. Но соревнование есть соревнование. В канун 1946 года победительницей вышла Паша Коробова, ее коллектив стал «Бригадой Победы» и завоевал переходящее комсомольское знамя.

Стройка росла, соревнование называло все новые и новые имена, но в истории Днепрогэса навсегда сохранится память о пионерах — тех, кто вывез из завалов первую тачку раскрошенного бетона, кто положил первый его кубометр в тело плотины. В числе пионеров мне назвали бригадира бетонщиц Анну Без-

родную. В архиве выездной редакции «Правды» сохранилось ее письмо.

«На мою долю выпала честь укладывать первый кубометр бетона в тело плотины, — писала Безродная. — Как сейчас помню, это было 7 июля 1944 года. Я тогда руководила бригадой по разборке завалов. Управление строительства объявило, что право укладки первого кубометра бетона будет предоставлено тем рабочим, которые добиваются лучших показателей в соревновании. Мне удалось оказаться в числе передовиков... Первый кубометр бетона укладывался в торжественной обстановке, после митинга... Бетонных заводов тогда на стройке еще не было, бетон приготавливался в небольших бетономешалках, а уплотняли мы его ногами...»

Да, ногами... Так, как уплотняли бетон на Днепрострое в двадцатых годах, до получения электрических вибраторов. До поры до времени приходилось повторять пройденное.

...Все это давно уже позади. Почти три года идут восстановительные работы. Скоро будет пущен первый агрегат. Уже ведется сушка генератора; еще неделя-другая — и станция даст промышленный ток...

В управлении Днепростроя нас предупредили, что начальника строительства Федора Георгиевича Логинова сейчас нет на месте, он в Москве, а нас примет главный инженер Иннокентий Иванович Кандалов. Отсутствии Логинова нас не озадачило. Незадолго до поездки в Запорожье я встретился с ним в Министерстве электростанций. Логинов возглавлял днепровскую стройку, оставаясь на посту заместителя министра. Это поднимало престиж начальника Днепростроя и облегчало его работу. Со всеми вопросами он мог, как сам говорил, «выходить на прямую» к министру, минуя «аппаратные дамбы и плотины».

Во время московской встречи Логинов рассказывал об огромном масштабе восстановительных работ. И воскресил страницы трагедийного прошлого...

Это было 18 августа 1941 года. В тот день Днепротэс работал с полной нагрузкой, хотя снаряды летели через плотину и машинный зал станции. В случае отступления наших войск решено было оборудованием станции и плотину вывести из строя, не дать противнику возможности пользоваться Днепротэсом. Тяжелая, но необходимая операция была поручена главному инженеру Днепротэса Григорию Шацкому. На пульте управления дежурили инженер Морозов и техник Евдокия Вороненко. Получив приказ от военного командования, Шацкий позвонил на пульт управления: «Привести план в действие». Все агрегаты были включены на короткое замыкание, а в машинном зале был закрыт доступ масла в подшипники. Для проверки исполнения Шацкий поднялся в зал пульта. Точнейшие аппараты защиты, которые следили за поведением машин и мгновенно сигнализировали о мельчайшем отклонении от нормы, забили тревогу. Машинный зал наполнился дымом... Выводя из строя станцию, наши люди уже тогда думали о ее восстановлении... Фашистские же войска, отступая от Днепра, стремились полностью уничтожить станцию и все ее гидротехнические сооружения. Плотина была подорвана в нескольких местах, но полностью осуществить свой замысел противнику не удалось.

— Гитлеровцы завезли более десятка вагонов взрывчатки и уложили заряды, — рассказывал Логинов. — Только в одно из донных отверстий они опустили сотню авиабомб весом по пятьдесят килограммов каждая. Наша разведка это нащупала... Нужно было проникнуть внутрь плотины, в ее тоннель — потерну, и смельчаки нашлись. Мы до сих пор не знаем всех подробностей, но известно, что группе наших ми-

неров и водолазов удалось вовремя произвести разминирование, перерезать провода, шедшие к адским зарядам...

Логинов говорил, что готовит статью для «Правды» и рассчитывает опубликовать ее вместе с сообщением о пуске первого агрегата Днепрогэса. Я просил его, если возможно, привести в статье эпизод с разминированием плотины. Он это сделал, но сожалел — и все мы сожалели, — что отсутствуют подробности. Позднее в архиве Министерства обороны были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что катастрофический взрыв предотвращен усилиями 19-го Отдельного гвардейского батальона. В документах фигурируют имена гвардейцев: замкомбата капитана Михаила Сошинского, младшего лейтенанта Курузова, сержанта Ефремова, рядовых Стародубова и Шабанова, водолаза рядового Х.Кильдеева и других воинов. В разминировании участвовали и те, кто превосходно знал устройство плотины, — бывший управляющий Днепроэнерго Дмитрий Гуменюк и инженер Николай Хохлов.

Знакомые, хоть и в общих чертах, с «предысторией» восстановления, мы решили во время встречи с главным инженером И.И. Кандаловым не утруждать его расспросами о прошлом и вообще «больше слушать».

Кандалова называли живой историей, а со временем — живой легендой нашей гидроэнергетики. Он принадлежал к тем советским инженерам, которые на заре ленинской электрификации набирались первого опыта на Волховстрое, а потом перебрались с Волхова на Днепр, с Днепра — на Волгу, с Волги — на великие сибирские реки...

На Днепре Кандалов во второй раз. Когда Днепрогэс строился, он руководил гидротехническими работами на правом берегу реки. Теперь, когда станция

становливается, он главный инженер и заместитель Логинова.

— На ловца и зверь бежит... — сказал Кандалов, ювясь с нами. И сразу, не теряя времени: — Тут мы подготовили для «Правды» справку, можно сказать краткую летопись восстановления...

Мы испытали удовольствие от того, что избежали стандартных слов, какими обычно одаряют гостей («как доехали?», «каково самочувствие?», «какие планы?», «милости просим» и пр.), и почувствовали, что встретились с человеком дела.

Кандалов протянул нам отпечатанные под копирку листки папиросной бумаги, а один экземпляр оставил себе. Это была краткая хронология послевоенного Днепростроя. Она показалась нам впечатляющей, и мы обещали просить редакцию «Правды» опубликовать ее, конечно, с комментарием.

— Если не возражаете, я кое-что сейчас и прокомментирую, а затем поведу вас на станцию... — сказал Кандалов и, не заглядывая в лежащий перед ним листок, стал называть даты. Одни он тут же пояснял, расшифровывал, после других делал паузу как бы в ожидании вопросов. Если с нашей стороны их не было, он ставил их себе сам и тут же отвечал. Слушая и кое-что записывая, я жалел, что ни один из нас, троих правдивостов, не владеет стенографией. Будь такая стенограмма — можно печатать, она выглядела бы лучше любой статьи.

— Двадцать третьего февраля сорок четвертого года Государственный Комитет Обороны вынес решение о восстановлении Днепрогэса, — начал Кандалов. — Заметьте, это вскоре после освобождения Запорожья. Но примите во внимание: еще задолго до этого события Наркомат электростанций работал над вариантами восстановления Днепрогэса... Мы ведь знали, верили, что вернемся к себе домой...

Март того же года. Создано строительно-монтажное управление «Днепрострой». Вспоминаю наши первые заботы, обсуждения, страсти... ГКО ведь потребовал не просто восстановить станцию в короткий срок, но и повысить ее энергетическую мощность, использовать лучшие достижения современной отечественной и мировой науки, — словом, новый Днепрогэс должен быть лучше прежнего... Чтобы получить более совершенное оборудование, следовало с самого начала войти в тесный контакт с американскими фирмами, которым были заказаны первые три агрегата, и с ленинградскими машиностроителями — они готовили остальные шесть.

Апрель. Начата разборка завалов. Пробито первое донное отверстие. Ну, насчет донных отверстий — особый разговор...

Июнь. Начат демонтаж взорванных конструкций и оборудования. Потерна открыта для движения грузового транспорта. Тут должен пояснить: мост по плотине был вместе с ней разрушен, грузы приходилось доставлять кружным путем, с левого берега на правый они пробегали восемьдесят три километра вместо одного километра по мосту. Даже при небольшой пропускной способности потерна выручала. Что касается людей, то они переходили с берега на берег по висящему на стальных тросах на высоте тридцати метров над водой деревянному настилу.

Июль. В плотину уложены первые кубометры бетона...

Сентябрь. Начато цементирование взорванных бычков...

Декабрь. Государственный Комитет Обороны принимает решение о мерах помощи Днепрострою: строительная техника, кадры, материалы, оборудование...

Апрель сорок пятого года. Закончено сооружение защитной дамбы, весенний паводок пропущен в низ-

бьеф Днепра. Про паводок тоже поговорим от-
но...

Декабрь. Закрыты четыре донных отверстия. Еще шесть закрыли лишь в октябре следующего года.

Январь сорок шестого. Начато восстановление машинного зала ГЭС.

С июня по декабрь вели монтаж турбины.

Семнадцатого января сорок седьмого года произвели ее пробный пуск.

И наконец, февраль... Сейчас, в эти часы, происходит сушка генератора...

Иннокентий Иванович встал, мы вышли из жаркого натопленного кабинета.

Главный инженер сначала сделал обзор всего, что попало в поле нашего зрения на строительной площадке, затем повел в потерну, а потом уже в здание гидростанции.

По дороге, как бы предваряя вторую часть нашей беседы — о борьбе с весенним паводком и о донных отверстиях, Иннокентий Иванович спросил:

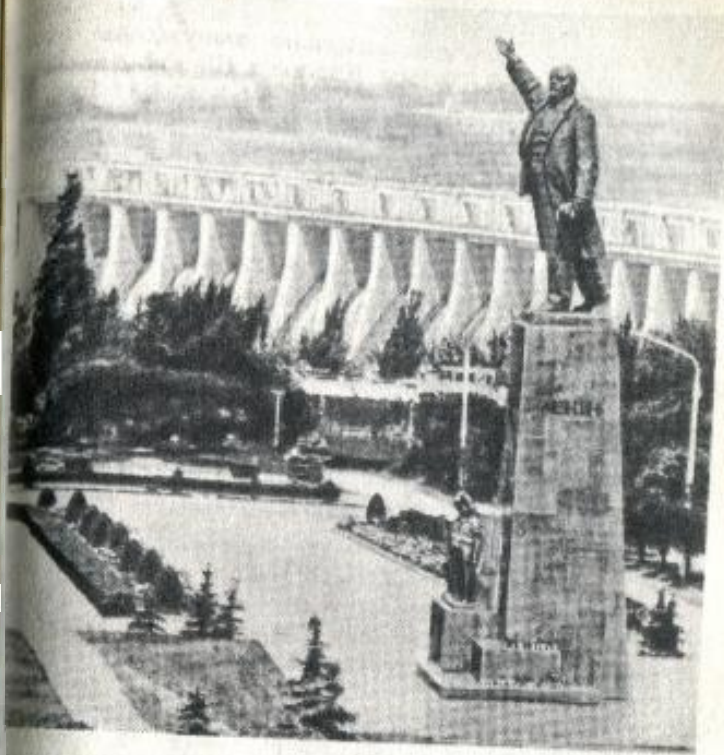
— Помните, что писал Максим Горький создателям Днепрогэса? «Социалистически организованный разум людей побеждает стихию и победит ее, какова бы ни была ее сила».

Эти слова Горького правдисты тоже хорошо знают. «Правда» привела их в статье «Великое историческое строительство», напечатанной 2 июня 1945 года, и от себя добавила:

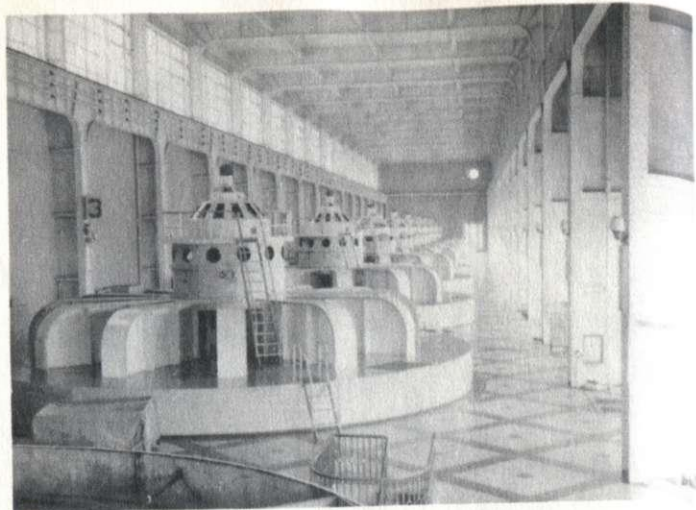
«Второй раз советские люди побеждают стихию Днепра. Они залечивают одну из самых глубоких ран, нанесенных нашей стране войной. Они создают условия для нового подъема социалистической индустрии, для возрождения былой мощи южной топливно-энергетической и металлической базы. Восстановление Днепрогэса будет крупной победой советского народа на фронте труда».

— Статью в «Правде» я тоже помню, — сказал Кандалов. — Мы действительно вынуждены второй раз побеждать стихию Днепра... Настоящей битвой со стихией стало сооружение временной перемычки — защитной дамбы на реке. Нужно было преградить путь воде во время весеннего паводка сорок того года, отвести угрозу затопления участков, где начинались бетонные работы. Эта дамба была сооружением колоссальным: ширина у основания — более сорока, высота — более тридцати метров. Когда начался паводок, люди вступили в единоборство с природой. Что поднимется быстрее — дамба или вода? Если вода — погибнет всё, что уже сделано, к тому же работы придется прекратить минимум на девяносто дней, пока река вновь не войдет в свои берега. Дамба, к чести людей, поднималась быстрее, чем уровень Днепра, но бывали тревожные моменты, когда люди опережали воду всего лишь на какие-нибудь полметра. И все-таки мы победили стихию.

Была и другая опасность — размыв дамбы. Чтобы ее предотвратить, ту сторону дамбы, что сдерживала напор реки, окутали гигантским брезентом. Все же в некоторых местах вода пробивалась, и тогда дежурные водолазы опускались к основанию дамбы и накладывали пластыри... Так было 18 апреля 1945 года. Вода образовала в дамбе брешь. Вырвавшись на волю, Днепр беснуется. Впору завывать сиренам, объявить тревогу, но этого не потребовалось. Сотни землекопов, бетонщиков, инженеров, домашних хозяйств, продавцов, школьников, почувяв беду, устремились к дамбе. На дно Днепра в ледяную воду бросаются водолазы Огороков, Кальнов, Кирпичников. Они находят промоину. Им подают тампоны — мешки с песком и соломой. Шестнадцать часов люди воюют с рекой. Гигантская «пробка» почти из семи тысяч мешков укладывается в брешь и закрывает ее.

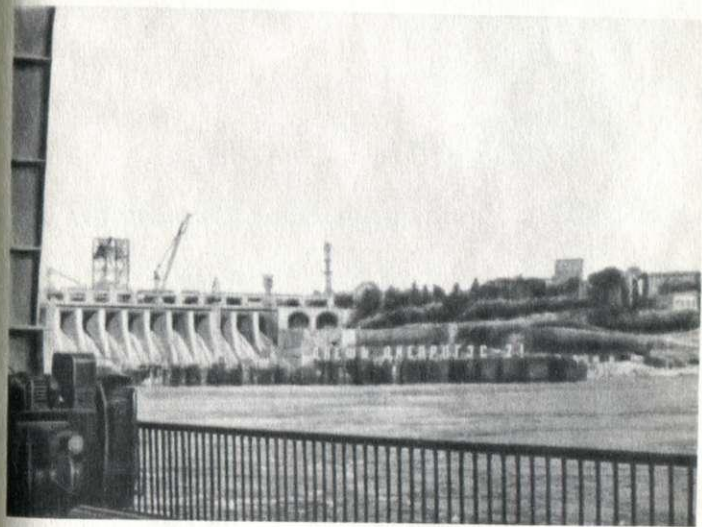

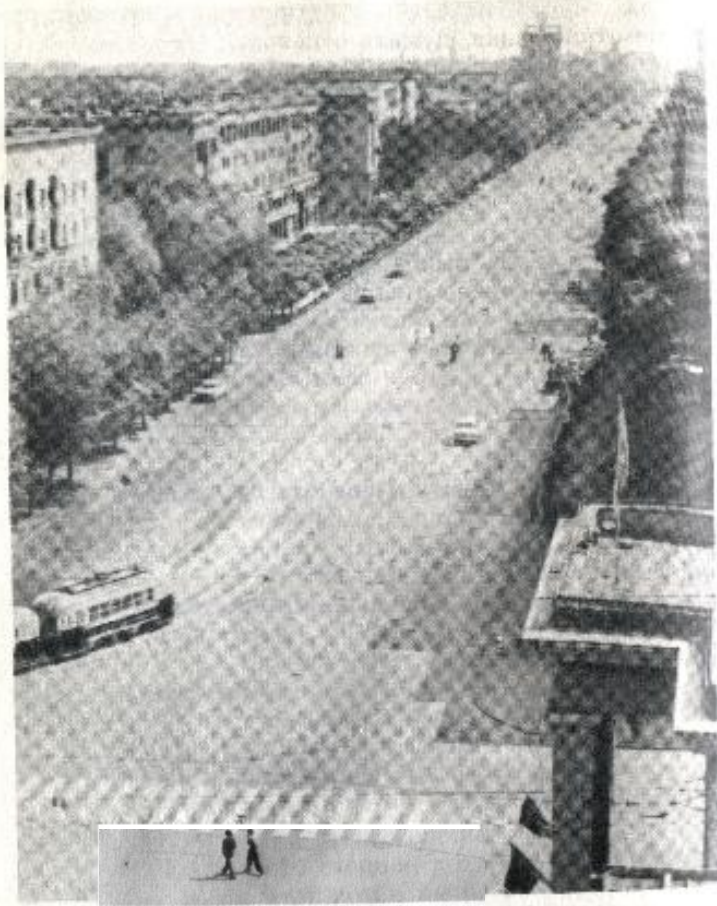
Днепрогэс имени В. И. Ленина. 1973 год

Машинный зал гидроэлектростанции

«Даешь Днепрогэс-2!» Сентябрь 1973 года

Запорожье, проспект Ленина

С паводком весны 1945 года справились, но надо было, не откладывая, думать о паводке следующего года. Теперь уже речь шла не о временной земляной плотибе, нужно было поднять к весне саму плотину да закрыть большинство донных отверстий.

Генеральная задача строителей состояла в том, чтобы, восстановив плотину, поднять уровень воды в Днепре, создать напор, необходимый для работы турбин, вновь затопить пороги и сделать реку судоходной. Но начинать работы можно было, только позволив на время уровень Днепра, чтобы обнажить размытые участки плотины и восстановить их. Для этого в течение 1944 года у основания плотины, в донной части ее, пробили шестнадцать временных отверстий — они-то и называются донными. Пробить в толще бетона отверстия диаметром пять метров каждое — настоящие тоннели — было нелегко. Но куда сложнее их закрыть. Просчитав множество вариантов (на стройке был проведен конкурс), проектировщики выбрали наиболее выгодный, оптимальный. Они сконструировали металлические щиты, каждый размером тридцать квадратных метров и весом семьдесят тонн, их назвали хлопущками. На стальных канатах щит опускается к воде. Удерживающие его железные «пальцы» разжимаются с расчетом, что сама вода своей громадной силой прихлопнет щит к телу плотины.

Четырнадцать отверстий закрылось. А два — нет, ни в какую. Одно из них щит прикрыл только своим краем, частично. И выровнять его никак не удалось. Через неприкрытый угол донного отверстия продолжал рваться разъяренный поток того самого милого Днепра, который выглядит столь чудным «при тихой погоде». Этот поток воды обладал мощью, равной любой силе в тысячу тонн.

Оставался только один выход: залезть в донное

отверстие, установить там отводные трубы, направить в них поток воды, а потом закупорить отверстие огромной бетонной пробкой. Не раз и не два водолазы безуспешно пытались подобраться к щиту, но только на седьмые сутки молодые рабочие-бригадирсы Хохлов, Петцер и инженер Данилович смогли опуститься в отверстие на специально смонтированном помосте. Пока они устанавливали отводные трубы, уровень реки продолжал повышаться, давление на щит усиливалось. В какой-то момент положение стало смертельно опасным: вода могла вдавить щит в донное отверстие и замуровать людей. Волнение охватило руководителей стройки, инженеров, рабочих — всех, кто знал о том, что происходит в теле плотины. И все же храбрецы, спустившиеся в донное отверстие, — а они работали там тридцать шесть часов! — не отступили. Они уложили бетонную пробку-перемычку, закупорили отверстие.

Теперь осталось закрыть водоотводящие трубы. Надев водолазные костюмы, прораб Поляков с инженером Даниловичем и несколькими слесарями четверо суток работали в донном отверстии. Вода проникала и сквозь изоляцию. Брызги и пена заполняли все вокруг, от основания до потолка. Водяная пыль забивала рот, уши, глаза, у людей моментально почернели руки. И все же они сделали свое дело.

— О Днепрогэсе можно рассказывать часами, сутками, неделями, — сказал Кандалов, — но нас уже ждут в машинном зале, я предупредил...

Святая святых Днепрогэса, зал этот пока немногим напоминал то, что я видел здесь до войны. В полной амуниции стояла лишь одна турбина. Но как и прежде, тут царил тишина. В зале двое наблюдали за приборами, один вносил записи в ваттенный журнал. Кандалов вопросительно поглядел на него.

— Полный порядок, — ответил дежурный инженер, притом больше глазами, чем голосом.

— Полный порядок, — так же тихо повторил Кандалов. — Нет других слов, которые столь же ласкали бы слух главного инженера...

Но, видимо, Кандалову показалось, что он поддавался минутной человеческой слабости, и, перейдя с лирического тона на деловой, Иннокентий Иванович сказал:

— Пробный пуск турбины мы произвели еще месяцем назад, семнадцатого января. И случилось непредвиденное...

Он обратился к дежурному инженеру с предложением рассказать нам о происшествии.

— Теперь легко называть это происшествием, — улынулся инженер, — а тогда... Мы стояли перед угрозой скандальной аварии. На сорок третьей минуте отказал подпятник... Это огромный стальной диск с баббитовой наплавкой. Пришлось заменить его. Но вскоре и новый подпятник отказал: плавился баббит... В чем причина? Почему плавится? Как у постели опасно больного, собрался консилиум. Нужно было установить диагноз. Думали, спорили.

Я не уловил всех технических пояснений инженера, но запомнил одно: много сил и нервов пришлось потратить, чтобы «урезонить» диск, снизить температуру в подпятнике. Все дело было в этом.

— Насчет беды с подпятниками советую переговорить с моим заместителем Шацким, — сказал Кандалов. — Больше всего с подпятниками пришлось мучиться ему...

И вторично Кандалов посоветовал обратиться к Шацкому, когда я спросил, как помогают Днепрогэсу обком партии и местные советские органы, — тема, всегда интересующая «Правду».

— Простите, и на этот вопрос,— сказал Кандалов несколько смущенно,— лучше ответит он. Я ведь беспартийный... Правда, я понимаю нашу инженерную работу тоже как партийную и никогда не ощущаю себя посторонним для партии... Но тут, знаете, есть и свои проблемы, порой они по своей сложности не уступают инженерным... Особенно, если воспринимать партийных работников как инженеров человеческих душ... Советую поговорить с Григорием Шацким, и не только о подпятниках. Редкой одаренности инженер. Старый большевик, хотя и не старый человек. Член партии с семнадцатого года...

Я записал на крышке своего блокнота: «Шацкий Григорий».

А Кандалов продолжил прежний разговор с прежним азартом. Мне это напомнило искусство, с каким хорошая ткачиха находит и связывает оборвавшуюся нить.

— Теперь предстоит уже не проба, а настоящая работа,— сказал он.— Несколько дней назад, седьмого февраля, днепровские воды привели в движение рабочее колесо турбины. Сейчас, когда мы с вами беседуем, она живет, дышит, отдает свою энергию на сушку статора и ротора. Так будет, пожалуй, еще недели две. Все это знают, но у диспетчера не смолкает телефон. Каждому интересно, как ведет себя турбина. Звонят со всех участков, все охвачены нетерпением...

В последний день февраля спецкор Павловский телеграфировал в редакцию «Правды»: «Вчера началась генеральная проверка ГЭС перед пуском». 3 марта, когда энергия Днепра пошла по проводам, Павловский находился в зале главного пульта гидростанции. 4 марта руководители Днепростроя рапортовали в Москву о пуске первой турбины. Репортаж об этом событии Павловский передал в редакцию. Из его общения я узнал, что пустить турбину доверили тому

кто 18 августа 1941 года на виду у немцев выводил станцию из строя,— инженеру Шацкому.

Какая прекрасная тема для очерка, передовой статьи, для рассказа, повести!..

А я, будучи в Запорожье, не смог воспользоваться советом Иннокентия Кандалова переговорить с Григорием Шацким и не написал о нем ни строки. Времени не нашлось? Да, но это не оправдание для журналиста.

И все же встреча с Шацким у меня состоялась, и не одна, хотя и спустя много лет...

Я повторил ему два вопроса, на которые когда-то не получил ответа от Кандалова, вопросы несовместимые, резко контрастные: о подпятниках и партийных делах теперь уже далекого времени.

Беседа была вольной, не репортерской, без плана, и сейчас мне хочется изложить ее в обобщенном виде, в синтезе. Два вопроса, выглядевшие столь противоположными, на самом деле оказались близкими. Силой логики старого партийца Шацкий естественным образом связал в одно целое ответ на оба вопроса.

— Да, подпятники, было дело...

Он взял листок бумаги и нарисовал сначала схему турбинного агрегата, а затем отдельно подпятник в двух разрезах.

Вообще говоря, название «подпятник» нелогично. Оно создает впечатление, будто этот диск расположен где-то внизу турбины, под ней, под пятою. На самом же деле он находится в верхней части агрегата. Это своеобразный гигантский подшипник. Он как бы надет на верхушку двадцатиметрового вала турбины, на который нанизаны ее основные части. Подпятник испытывает на себе давление до 900 тонн.

— Вот вы говорите,— продолжал Шацкий,— что Кандалов называл инженерную работу партийной.

Для этого у него были все основания. Когда не ладилось с подпятником, озабочены были не только техники, но и вся партийная организация. Вопрос о подпятнике стоял в повестках дня райкома и горкома. Им непосредственно занимались секретари обкома партии Леонид Ильич Брежнев и Андрей Павлович Кириленко. Не знаю, дошло ли дело до ЦК ВКП(б), но что ЦК КП(б)У интересовался подпятником — это точно. Как же иначе? Ведь оттягивались сроки пуска Днепрогэса! Техника — дело партийное.

С подпятниками мы мучились еще до войны. Что-то неудачное было с самого начала в их конструкции, в чем-то американцы просчитались. Требовалась идеальная шлифовка диска подпятника, покрытого баббитом, и исключительно точная подгонка к другому, вращающемуся диску с зеркальной поверхностью. А это не удавалось. Начинался перегрев диска, и дополнительное охлаждение не всегда помогало.

Л. И. Брежнев не раз приезжал к нам, приглашал специалистов и к себе: надо было решать, как выйти из положения. Все ответы сводились к одному: чтобы диск приобрел идеально ровную поверхность — только от этого зависит понижение температуры в подпятнике, — нужно шабрить, шабрить и заливать баббитом, много выхода нет. Шабровка и заливка требовали от людей тонкого мастерства, большого искусства, а главное, отнимали каждый раз полторы — две недели, когда так дороги были не то что дни — минуты. Все издергались. К тому же — чего греха таить — опасались взысканий, в том числе и партийных, ведь сроки были сорваны: пуск турбины намечался на конец сорок шестого года, а уже миновал январь сорок седьмого... Не знаю, хватило бы у людей терпения, если бы не моральная поддержка обкома. Спокойный голос секретаря, его оптимизм возвращали людям уверенность в себе. Откуда только брались

силы начинать все сначала! Переделывали трижды, но своего добились.

Шацкий помолчал и заметил:

— Шабрить... Шабрить и шлифовать приходится и людей. Иной раз это труднее, чем шабрить подпятники.

Мы часто говорим о преимуществах советского строя в одном плане: общественная собственность на средства производства, плановая система хозяйства, объективные экономические законы. Все это — абсолютные истины. Но ведь существует еще механизм партийного сцепления всех государственных, хозяйственных и общественных звеньев. Этот механизм мы, советские коммунисты, первые на свете открыли, сконструировали, создали и привели в действие. Поистине колоссально значение партийной организации в восстановлении Днепрогэса. Она в короткий срок объединила разношерстную массу, тысячи людей в единый коллектив. Она могла делать и делала то, что не в состоянии был сделать административный приказ. В моменты опасности — а их было немало, — когда вода грозила залить и размывать сотворенное сверхусилиями людей, коммунисты и комсомольцы, повинувшись только собственному долгу, без всяких приказов поднимались ночами с постелей, будили других, бежали к плотине, к перемышкам, к машинному залу, готовые отстоять их любой ценой.

Что касается областной парторганизации, то можно было лишь поражаться, как ее руководители — первый секретарь обкома Л. И. Брежнев, второй секретарь А. П. Кириленко поспевали всюду. Ведь восстановление шло широчайшим фронтом. Только в промышленности следовало поставить на ноги около семисот предприятий, и прежде всего «Запорожсталь» — до войны единственный в СССР завод тонкого стального листа, без которого невозможно было

восстановить производство легковых автомобилей. Все знали, что Л. И. Брежнев перебрался жить на этот завод, ибо заниматься им приходилось каждый день. В то же время и днепростроевцы всякий раз встречали первого секретаря то на одном, то на другом участке — чаще всего он появлялся без предупреждения, без сопровождающих.

Мы знали, что первый секретарь обкома — человек ровного характера, противник крайних мер, быстро сходится с людьми, — продолжал старый инженер. — Но в принципиальных вопросах он был неуступчив. Всем нам запомнилось, как он развязал сложную ситуацию, и не с кем-нибудь, а с самим Федором Георгиевичем Логиновым, начальником Днепростроя..

Встреча с Шацким, завещанная мне ныне покойным Кандаловым, состоялась через два с половиной десятилетия. Давно уже пущены были все девять турбин Днепрогэса, на счету у Г. А. Шацкого были уже гидростанции в Горьком и Новосибирске. Работал он экспертом «Гидропроекта» в Москве — колыбели уникальных электрических строений Советской страны. Наша беседа возвратила его на четверть века назад, и он вспоминал о том времени, как, наверное, вспоминает каждый днепростроевец, — с откровенным удовольствием и молодым блеском в глазах. Но когда зашла речь о Логинове, тон Шацкого стал иным, беспокойным, что ли... Видно, разговор этот был для него не прост.

— Начальник стройки, Логинов Федор Георгиевич, был моим старым товарищем, другом, — сказал Шацкий. — Участник гражданской войны, сражался против Колчака на Восточном фронте, был помощником командира полка Особой Уральской дивизии на врангелевском фронте. Вместе, парттысячниками, учились мы в Ленинградском политехническом. На

первом Днепрострое он начинал практикантом-де-стником, потом был прорабом на строительстве Баксанской ГЭС, руководил сооружением каскада Турчикских ГЭС в Узбекистане. Федор Георгиевич обладал недюжинными способностями хозяйственника, незаурядным талантом организатора. Преодолевая все трудности — не забудьте, что в отличие от «Запорожстали» Днепрогэс начали восстанавливать задолго до окончания войны, — он смог добиться для Днепростроя и фондов, и нарядов на оборудование, денег, и людей... У него была нечеловеческая энергия, волевой характер, он умел идти на технический и хозяйственный риск... Короче говоря, я уважал его, ценил. И не я один. Но, как порой случалось, к сожалению, с некоторыми хозяйственниками, облеченными большими правами и властью, — а будучи заместителем министра, он обладал на стройке почти неограниченной властью — Федор Георгиевич стал временами, как у нас говорили, «забываться». Обходил партийную организацию, не считался с критикой. Когда он, «отражая властью», стал потакать тем, кто потерял доверие партийной организации, среди актива начался самотек. Назревал конфликт. Не я один говорил об этом Федору Георгиевичу. Сначала он отшучивался, а потом стал огрызаться. Значит, внушения с глаз не помогают. Но что-то же делать надо! Жизнь не раз учила нас: если вовремя не поправить дело века, можно и потерять его. Вырастить крупного хозяйственного деятеля, быть может, сложнее, чем перепородить реку плотинами. Вот тут и потребовалось дифференцировать и шабрить... Причем тоже неоднократно... Больше всего было открыто выступить с критикой на партийном собрании. В конце концов, оно нам самый широкий судья. Мы так и сделали. И выступили. Не на одном собрании, а на двух. На обоих присутствовал Л. И. Брежнев и решительно поддержал резкие

критические выступления. Отдавая должное заслугам Ф. Г. Логинова и высоко ценя его хозяйственные способности, первый секретарь обкома без всяких скидок осудил его поведение.

Шацкий припоминал подробности событий давно минувших дней, и я поражался деталям, которые он извлекал из своей памяти. Но мне он советовал не полагаться на одни его воспоминания: ведь с тех пор прошло немало лет.

Может быть, сохранились документы?

И вот через двадцать шесть лет после того, как мне довелось побывать на Днепрогэсе, я снова в Запорожье.

Беседы со старыми журналистами и чтение стенограмм, сохранившихся в областном партархиве, приоткрыли многое.

На этот раз я, можно сказать, «из первых уст» узнал то, что задевало острую проблему партийности в хозяйственной работе, партийного контроля, взаимоотношений между партийными и хозяйственными руководителями, но о чем в феврале 1947 года в Запорожье говорилось более чем осторожно, намеками и полунамеками. С этой проблемой я сталкивался многократно на протяжении почти двух десятилетий работы в «Правде», но, честно говоря, ни разу не удавалось выступить в газете развернуто, в открытую. Этой темы как-то стеснялись. Крупных хозяйственных деятелей — заслуженных директоров, начальников строек — щадили. Да и на местах не очень старались посвящать приезжих журналистов в подобного рода конфликты, относили их к «чисто внутренним делам», где вмешательство прессы может привести к оргвыводам. Однако подробности конфликтной ситуации на Днепрострое, хоть и давно принадлежат истории, поучительны и для дней сегодняшних.

Итак, воспоминания и документы...

Избранный в августе 1946 года первым секретарем Запорожского обкома партии, Л. И. Брежнев сразу же окунулся в массу дел — промышленных, сельскохозяйственных, внутрипартийных. На третий день его работы бюро обкома вместе с облисполкомом приняло постановление о зяблевой вспашке под посевы яровых культур. Это сорок шестого года было катастрофически засушливым, и требовались самые экстренные, действенные меры, чтобы обеспечить урожай следующего года. Уже первый подписанный им документ показывал, что секретарь обкома — противник декларативных «общих установок». Вместе с постановлением был опубликован детальный график сельскохозяйственных работ. Пятидневные задания по районам давали возможность регулярно проверять его исполнение.

12 сентября Л. И. Брежнев избирается одновременно первым секретарем Запорожского горкома партии. Его выступление на пленуме горкома по вопросу о расстановке и воспитании кадров свидетельствует, насколько хорошо изучил новый секретарь конъюнктурную обстановку — ход восстановительных работ в промышленности, городском хозяйстве, торговле, здравоохранении. А ведь он в городе только две недели, и почти половина этого времени ушла у него на сельские дела, которыми он занимался непосредственно в районах области.

В начале октября 1946 года с участием Л. И. Брежнева и А. П. Кириленко состоялась 1-я районная партийная конференция Днепростроя. Она была созвана в связи с решением ЦК ВКП(б) о создании отдельного Днепростроевского райкома партии. То был знак большого внимания со стороны Центрального Комитета к Днепрогэсу, к его партийной организации.

И вот на этой конференции неожиданно для начальника строительства Ф. Г. Логинова впервые открыто прозвучали критические замечания и по его адресу, и по адресу парткома. Несмотря на успешную работу, пуск первой турбины Днепрогэса задерживался. Выступавшие в прениях оценивали отчетный доклад секретаря парткома как несамокритичный.

Говорили, что секретарь, опасаясь испортить отношения с хозяйственным руководством, не только не способствовал развертыванию критики, но даже сдерживал ее. Кто-то назвал заседания парткома «очередной оперативкой начальника строительства»: будучи членом парткома, он распоряжался на его заседаниях, как у себя в кабинете.

Интересно, что из всех ораторов в защиту парткома выступил на этом собрании только... Ф. Г. Логинов.

Все ждали, что скажет Л. И. Брежнев.

Первые его слова были о критике: критика свидетельствует о том, что коммунисты болеют за порученное им партией дело. А дело это громадное — Днепрогэс.

Л. И. Брежнев не стал рисовать общее положение на Днепрострое — об этом до него говорилось в докладе и в прениях, — не вдавался в историю того, что «было до него», а сосредоточился на конкретных задачах. Притом из множества задач он выделил три по его мнению, самые политически важные и злободневные. Изложу их сверхконспективно.

— Первый вопрос — о социалистическом соревновании. Это испытанный партией метод, оружие, способ, которым партия вытаскивала не одну стройку, в свое время мы так вытаскивали Донбасс, Кривбасс, решали все проблемы, которые вставали перед страной...

Это общее положение. На нем оратор не задерживается. Он делает упор на элементах организации соревнования, прежде всего на наглядной агитации, на распространении опыта передовиков.

— Я помню дни Отечественной войны, — говорит Леонид Ильич. — Когда ставилась наступательная задача, то даже во фронтовых условиях, где под рукой нет ни материалов, ни мастеровских, наглядной агитации придавалось исключительное значение. Вот, например, когда готовились к взятию Киева, войска расположились в лесах. Вы могли видеть дерево, очищенное от коры, и на нем надпись: «Даешь Киев!» Или на куске фанеры: «Боец, завтра ты будешь драться за Киев»... С краткими лозунгами на танках, буднях, бричках, агитповозках, автомашинах — где только можно было — шли мы на Берлин, так же шли и Прагу... Но вот я был на плотине, на станции — не видел ни одного призыва, ни одной доски, ни одного показателя, за что и где драться... Партком должен знать о лучших бригадах, о коммунистах, насколько они выполняют план, — завтра это должно быть известно всем через печать. Весь арсенал средств агитации, который накопила партия, должен быть использован для пропаганды опыта стахановцев. Секретарь парткома, все члены парткома, секретари первичных организаций должны знать лучшую работницу, знать в лицо, по имени и отчеству, знать, чем она кончает день и что мешало ей в работе...

Читая эти строки стенограммы, я вспомнил о встрече накануне состоявшейся встрече с Аней Лошаревой — героиней восстановления Днепрогэса. Старый газетчик, в свое время член выездной редакции «Правды» на Днепрострое, Александр Лизинский пригласил меня во Дворец культуры энергетиков, где теперь работает Анна Степановна Лошкарева-Лукьянова. Вспоминали время далекое, но всегда сердцу

близкое, штурмовые дни и ночи первых послевоенных годов. Гордость, душевное тепло звучали в голосе Анны Степановны, когда она рассказывала, как близок был бригаде бетонщиц, которую она возглавляла, первый секретарь обкома партии. Он всегда помнил о бригаде, знал итоги работы девушек за каждую смену.

— Проезжая мимо бетонного завода, всякий раз останавливал машину, спрашивал, как дела. Если дела были хороши, пожимет руку и скажет: «Так держать, Аня»,— вспоминает она.— После торжественного вечера в честь двадцать девятой годовщины Октября в клубе был ужин для ударников стройки. Леонид Ильич подошел к столику бетонщиц и предложил тост за наше здоровье. Меня он спросил: «Ну, как, довольна, Аня, своей работой? Не жалеешь, что с Урала к нам приехала? Вернешься туда?» А я ответила: «До тех пор не уеду, пока не зажгутся огни Днепрогэса, пока не взойдет «солнце Украины!» На октябрьской демонстрации наша бригада шла весело— пели, танцевали, я играла на гармонии... Много народу было, тысячи, но Леонид Ильич увидел нас и крикнул с трибуны: «Привет бригаде Анны Лошкаревой!» Не меня одну—десятки лучших работниц и рабочих знал секретарь обкома...

Я привел воспоминания А. С. Лошкаревой-Лукьяновой как иллюстрацию к речи Л. И. Брежнева о партработниках, которые должны знать лучшую бетонщицу по имени, в лицо, знать, как она работает и чем дышит.

Второй вопрос, который поставил Л. И. Брежнев на этой конференции,— вопрос об усилении партийно-политической и идеологической работы в массах.

— Когда партия хочет решить какую-либо сложную задачу, она усиливает идеологическую работу и обращается к массам... Я хочу, чтобы товарищи знали

трудностях и реально себе их представляли... Это не только трудности производственного порядка—нехватка материалов, оборудования. Эти трудности дополнились тем обстоятельством, что в силу неблагоприятных климатических условий мы имеем значительное сокращение баланса хлеба в стране... Правительству, как никогда за многие годы, приходится идти на крайние меры, мы вынуждены снять с государственного снабжения 70 процентов населения в сельских местностях и сократить потребление хлеба в городе. Уже сейчас по этой причине Днепрострой испытывает определенные затруднения с приемом новых рабочих и даже с содержанием тех, кто уже работает... Наш народ перенес много лишений, и, когда он знает, во имя чего, он переносит их стойко... Надо сказать народу все как есть. Правительство от всего ничего скрывать не хочет, а многие наши пропагандисты, партработники пытаются уйти от ответа. Наоборот, нужно самим идти в массы, разъяснять партийным языком, чем вызваны трудности, сказать, что правительство беспокоится о том, как прокормить население, ищет выход из тяжелого положения,— народ нас поймет... Он знает, что партия его никогда не подводила.

Третий вопрос—о критике. Присоединившись к критическим выступлениям коммунистов, секретарь обкома заметил, вызвав веселое оживление в зале:

— Критику вряд ли кто любит, и вряд ли кто из товарищей скажет, что он не может завтракать без критики... Однако надо уметь признавать критику, делать из нее соответствующие выводы. Для этого нужно проявить мужество, но, видимо, не все товарищи им обладают... Неправильное восприятие критики приводит к ошибкам... Надо уметь и самого себя критиковать в порядке, так сказать, самокритики. Закончился день—посмотреть, а что сделал, и спро-

силь себя: правильно ли я сегодня сделал? И не могу ли я сделать больше?..

Для собрания эти слова прозвучали так: мы, коммунисты, знаем, что ты, начальник строительства, умеешь работать, но можешь и должен работать и больше, и лучше.

Однако, по всей вероятности, начальник Днепро-строя не сразу сделал все необходимые выводы из критики. Очевидным это стало вскоре после пуска первой турбины Днепрогэса, когда задерживался ввод второй и третьей турбин. Правда, продолжались мучения с подпятами, но не они одни оттягивали восстановление Днепрогэса. В связи с этим Политбюро ЦК Компартии Украины приняло 11 октября 1947 года постановление, вскрывшее серьезные недостатки в работе управления Днепро-строя. И вот, получив постановление, начальник строительства, обиженный резкостью критики, отправил в ЦК КП(б)У телеграмму с выражением несогласия.

Естественно, вопрос стал в повестку дня бюро обкома, затем был созван пленум обкома, и, наконец, состоялось общее собрание коммунистов Днепро-строя.

Выступивший с докладом Л. И. Брежнев показал и доказал всю справедливость постановления Политбюро ЦК КП(б)У. На протяжении трех кварталов 1947 года план строительно-монтажных работ не выполнялся. И первый, и второй агрегаты Днепрогэса были пущены с опозданием. Действующая часть гидроэлектростанции не подготовлена к работе в зимних условиях.

— Все мы помним Днепрогэс в прошлом, и все знаем, какой должна быть станция по проекту, — мощнее и краше, чем была до войны, — сказал Л. И. Брежнев. — Днепрогэс называли храмом. Но разве сегодня там что-либо похоже на храм? С оби-

дой наблюдаешь, как капли дождя падают на турбины. Они стоят под брезентом, здание не застеклено, нет окон, нет торцовой стены. Я уж не говорю о той замызганной фанере, которая защищает зал... Многие из вас побывали на Запорожское, видели, как там сдаются объекты. Сложные конструкции огромного объема окрашиваются полностью, все здания отштукатурены. И это — в металлургических цехах.

Центральный Комитет отмечает, что на Днепро-строе нарушается партийный принцип подбора и расстановки кадров, — продолжает докладчик. — ЦК в постановлениях не приводит фактов, но я их приведу сам... Факты были доказательными: одних людей неправильно снимали, других без оснований выдвигали. Первый секретарь обкома сделал принципиальный вывод:

— Товарищ Логинов — человек молодой, опытный и знает, что расстановка кадров является монополией нашей партии. Вы хозяйственник и, кто бы вы ни были, будьте добры согласовывать вопросы кадров с партийными органами, а не своевольничать! Не забывайте, что вам все позволено и все простительно.

И еще Л. И. Брежнев сказал на этом собрании: — При всем уважении к товарищу Логинову, к его посту, к должности, к партийному стажу, при всей необходимости поддерживать авторитет руководителя, оказывать ему помощь считаю, что мы не должны идти ни на какие принципиальные уступки товарищу Логинову ни как начальнику строительства, ни как члену партии.

Вот как круто был поставлен вопрос. Но будь иначе, «шлифовка», возможно, и не помогла бы.

В жизни Федора Георгиевича Логинова это партийное собрание оставило глубокий след.

— Благодарю за науку,— сказал он притихшим голосом в конце своего выступления.— Я постараюсь из этой науки извлечь такие уроки, которые позволили бы мне вместе с вами с честью довести до конца восстановление Днепрогэса и переехать на новый объект, который найдут возможным доверить мне в будущем наша партия и правительство...

Когда такие слова произносит сильный человек, богатырского склада — «не то Илья Муромец, не то Микула Селянинович», как назвал его один писатель, — то это не пустой звук.

Партийное собрание, на котором так остро стоял вопрос о критике, запомнилось всем. Оно имело большое воспитательное значение. Бескомпромиссная партийная критика была оружием в борьбе за Днепрострой и в то же время за его начальника коммуниста Логинова. Время показало, что эта борьба была не напрасной.

Ф. Г. Логинов после восстановления Днепрогэса возглавил строительство Волжской гидроэлектростанции севернее Волгограда — одной из крупнейших ГЭС мира. И можно с уверенностью сказать, что руководить этой гигантской стройкой ему помог не только технический опыт, но и воспитательный урок, полученный на Днепрострое.

Днепрострой явился настоящей социалистической школой для многих тысяч рабочих и специалистов, которые участвовали затем в сооружении каскада гидроэлектростанций на Днепре: Каховской, Кременчугской, Днепродзержинской, Киевской, Каневской, перешли с Днепра на Волгу и Дон, на Ангару и Енисей... Они были на Ниле, их можно встретить на Евфрате, где молодые арабские республики с помощью советских людей создавали и создают свои искусственные солнца.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

...Конец сентября 1973 года.

Каких-нибудь два часа самолет перенес меня из открытой сплошным серым облаком Москвы в свершившее желто-оранжевыми красками золотой осени Запорожье.

Не стану писать: «Города я не узнал...» У нас быстро растут все индустриальные города, и эти слова от частого употребления как-то примелькались. Да и, существуя, они не выражают главного. Запорожье «не узнать» невозможно прежде всего потому, что такого города четверть века назад просто не существовало. Он возник и рос вместе с возрождавшимися «Запорожсталью», «Днепроспецсталью», вместе с Днепрогэсом, алюминиевым, титано-магниевым, машиностроительным, автомобильным, трансформаторным и другими заводами.

Центр нового Запорожья — великолепный проект имени Ленина длиной в полтора десятка километров, с архитектурными ансамблями красивых монументальных зданий, многоцветных скверов и зеленых бульваров — мог бы украсить и столицу. Он шире и Невского проспекта в Ленинграде, и Невского Крещатика, и улицы Горького в Москве. Главная магистраль города раздался вширь, основывая целые районы новых жилых кварталов. И в центре, и на окраинах поднялись многоэтажные здания. При окрашивании города стали одиннадцатизэтажный мост и гостиница «Запорожье», музыкально-драматический

театр имени Щорса, Дом печати, Дворец бракосочетания, универмаг «Украина», Дом одежды, Дом кулинаруии, какого нет и в Москве. Водитель такси, в течение нескольких часов знакомивший меня с городом, утверждал, представив в доказательство справочник, что в Запорожье с его семисоттысячным населением тысяча триста улиц, площадей, переулков, набережных, бульваров... Общая длина их достигает полутора тысяч километров. Теперь обживается и древний днепровский остров Хортица, превращаемый в «остров здоровья» — зону отдыха с пляжами, пансионатами, профилакториями, турбазами, спортивными сооружениями. На Хортице создаются садово-декоративный парк и Музей истории Запорожской сечи. Днепр, Хортица, да к тому же подошедшее почти к самому Запорожью Каховское море — редко какой еще город так щедро наделен природой!

В центре проспекта имени Ленина, на Советской площади, — памятник воинам, освободившим Запорожье. На гранитном пьедестале танк Т-34 с надписью, отчеканенной на металлической плите: «14 октября 1943 года танковый экипаж командира взвода Героя Советского Союза Яценко, сержантов Варакуна, Лебедева и Шепелева первым прорвался в Запорожье и погиб смертью храбрых, освобождая город. Вечная слава отважным!»

Близилось тридцатилетие освобождения Запорожья, город готовился к празднику. На проспекте Ленина была выставлена огромная карта боевых операций, привлекавшая внимание тысяч людей. Я видел, как группа юных пионеров перерисовывала карту в свои тетрадки.

Мне не довелось встречать другого такого города, где и приезжий человек может войти в курс главных событий, как бы листая книгу улиц и площадей. Выразительные транспаранты на широких площадях и

стенах верхних этажей зданий рассказывали о том, что борются запорожцы в девятой пятилетке и того они уже достигли. Улица поздравляла строителей, металлургов, энергетиков и машиностроителей с досрочным выполнением планов третьего квартала 1973 года (до конца квартала еще оставалась почти неделя), а тружеников сельского хозяйства области — со сбором небывалого урожая.

Запорожцы значительно перевыполнили не только план, но и социалистические обязательства, продали государству 1527 тысяч тонн зерна. Я наблюдал, как человек, стоя у доски с карандашиком в руках, переводил тонны в пуды.

— Хлеб, знаете, привычнее считать в пудах, — заговорил он со мной. — Как-то нагляднее урожай становится, легче сравнить настоящее с прошлым. Более девяноста пяти миллионов пудов продали — вот это да!

Незнакомый товарищ произнес цифру с таким восторгом, что невольно заинтересовал собой. Неловко было спрашивать, кто он, а по внешнему виду — что в Москве, что в Запорожье — теперь определить почти невозможно, председатель ли это колхоза, сталевар, артист, продавец или профессор. Но он, видимо, испытывая нужду поделиться мыслями, продолжил разговор, из которого стала понятной и его профессия:

— Наш завод тоже положил немало сил на уборке в подшефном районе. Я инженер с трансформаторного завода, не спец по сельхозмашинам, но уверяю вас, что наши комбайны — слабаки... Хлеба уродились такие, что комбайн не в состоянии срезать колос, для нынешних урожаев машины маломощны.

— С трансформаторного? — переспросил я.

Впервые о Запорожском трансформаторном заводе я узнал, будучи... в Таджикистане. Вместе с тад-

жикскими журналистами Ашуром Халимовым и Уктамом Пулатовым мы в мае 1973 года знакомы со строительством Нурекской гидроэлектростанции на реке Вахш. Еще шла засыпка сооружаемой меж двух гор уникальной плотины, самой высокой в мире. Высота плотины в то время достигала полутора метра — половины запроектированного, но два гидротурбинных агрегата из намечающихся девяти уже были в строении и третий близился к пуску.

На территории ГЭС, на одном из зданий, бросался в глаза кумачовый транспарант: «Дорогие друзья заповоржцы! Спасибо вам за досрочно изготовленные главные трансформаторы ТДЦ-400000 киловольт-ампер».

Оказавший нам гостеприимство секретарь Нурекского горкома партии Додихудо Рахматов пояснил: — Заповоржье — Нурек — это чудесное социалистическое содружество... У нас есть инженеры из Заповоржья, строившие Днепрогэс, — добрые учителя таджикских рабочих и специалистов. И у нас есть оборудование, изготовленное руками заповоржских электромашиностроителей. Мы шлем отсюда спасибо Украине. Она выполнила заказ Нурека досрочно, а это позволяет и нам раньше намеченного выполнить свои социалистические обязательства...

Теперь, находясь в Заповоржье, я узнал, что трансформаторный завод, один из крупнейших в Европе, был создан в послевоенные годы. Его продукция идет во все концы нашей страны и хорошо известна за ее рубежами.

В городе сотни предприятий, но доминируют металлургические заводы. Огни доменных печей «Заповоржстали» видны далеко. Проспект Металлургов ведет к «Заповоржстали» и к другим металлургическим заводам. Когда-то, до войны, они были расположены за городом, сравнительно далеко от жилых

районов. Теперь же улицы почти вплотную подошли к заводам, что — нечего скрывать — привело и к отрицательным последствиям. Индустриальный пейзаж с пыльными многоцветными дымами, в прежние времена вдохновлявший художников, доставляет неудобства населению. В здании Заповоржского облисполкома я видел выставку, развернутую в связи с прошедшей сессией. Диаграммы и другие материалы выставки рассказывали о мерах борьбы с загрязнением атмосферы, показывали первые результаты этой борьбы. Однако пока достигнут незначительный эффект, многое еще предстоит сделать.

На «Заповоржсталь» по приглашению секретаря партийного комитета Александра Александровича Терасименко я приехал в субботний день. Заповоржье одним из первых в СССР перешло на пятидневную рабочую неделю, но металлургическое производство непрерывно, и у парткома нет выходных дней. В восемь утра в кабинете Александра Александровича уже собирались люди на совещание. Тем временем заместитель секретаря парткома Иван Павлович Шевченко возил меня по цехам. Именно возил. На этих заводах, как «Заповоржсталь», деловые люди позволяют себе совершать многокилометровый поход пешком.

С понятным волнением и желанием воскресить в памяти панораму «Заповоржстали» 1947 года ехал я по улицам завода, заполненным ровным гудением — дыханием печей и станов. Само собой разумеется, ничто не могло напомнить о времени восстановления: ни слябинге, в цехах горячего и холодного проката толстого листа, за которые строители и монтажники в те годы настоящую битву, ощущался строгий напряженный ритм, измеряемый секундами. Эти цеха, да и вся обширная территория завода, выглядели до удивительного тесными. Как будто те же со-

оружения, те же корпуса, но за послевоенные годы то тут, то там возникало что-либо новое. В старые границы завода в одном месте втиснули домну, в другом — мартен, в прокате появились жестокатальное производство, цех гнутых профилей, отделение трансформаторной стали. И сейчас можно было видеть: где-то что-то строится или пристраивается. Но все же не строительство делает погоду на заводе. И перспективы его — тоже не в строительстве.

— Завтрашний день завода можно определить формулой «не вширь, а вглубь», — говорит мне Иван Павлович Шевченко. — Наше будущее не в расширении, а в реконструкции... Да, собственно, это будущее давно уже стало и настоящим. Благодаря последовательной реконструкции «Запорожсталь» уже намного превзошла старые проектные мощности...

На здании мартеновского цеха бросился в глаза многоцветный плакат — призыв встретить сорокалетие завода новыми производственными достижениями. Празднование было намечено на 16 ноября: в этот день в 1933 году доменная печь № 1 выдала первый чугун.

В связи с предстоящим юбилеем «Запорожстали» на заводе подводили итог большому пути. Уже к концу пятой пятилетки выплавка чугуна превзошла довоенный уровень более чем втрое, выплавка стали — почти в два с половиной раза, производство проката — в три раза. За восьмую пятилетку без увеличения количества действующих агрегатов выплавка чугуна возросла более чем на 500 тысяч тонн, стали — почти на 500 тысяч, производство проката — на 386 тысяч тонн. И достигнуто это в результате коренного технического обновления завода, модернизации оборудования, автоматизации и механизации трудоемких работ.

Пожалуй, наиболее глубокие преобразования про-

шли в технологии, что позволило достигнуть резкого интенсификации металлургического производства. С декабря 1957 года запорожские домны стали плавить дутье, обогащенное кислородом, а со второй половины 1958 года они работают на высококалорийном природном газе.

Кислород и природный газ вторглись и в сталелитейное производство. Сократилась длительность плавки. Увеличился съем стали с квадратного метра площади мартеновских печей. Здесь это основной технико-экономический показатель.

...И вот мы входим с заместителем секретаря парткома под высокие своды мартеновского цеха. На смену счастью, смену ведет знаменитый металлург, главный плавильный мастер Григорий Константинович Пометун, Герой Социалистического Труда. Его имя стало появляться в печати еще в начале пятидесятых годов, когда он завоевал звание «Лучший старший мастер страны». Среди лучших Пометун выделялся своей молодостью. В 1948-м пришел на завод из реального училища, был поставлен заправщиком мартенов. За год с небольшим совершил головокружительную «карьеру»: сначала третий подручный сталевара, через месяц — второй, вскоре — первый подручный и далее — сам сталевар. В девятнадцать лет — большая редкость. И уникальное: в двадцать лет — лучший сталевар СССР, мастер мировых рекордов.

Григорий Пометун — человек послевоенного поколения. Его отец погиб на фронте, самому Григорию пришлось воевать — не вышел годами, но эхо войны застигло его в цехе.

В книге запорожского журналиста и писателя Бориса Бездольного «Запорожье мое, Запорожье», написанной с горячим чувством любви к родному городу и его людям, так описывается это событие:

«Только что закончилась завалка шихты. Григорий подошел к мартену проверить, не осталось ли чего на пороге печи, не поврежден ли он. Привычно надвинул очки, глянул в бушующее пламя.

И вдруг в печи что-то грохнуло, сверкнула огненная вспышка. Даже не поняв, что произошло, ощутил только нестерпимую, пронзительную боль, Григорий упал на теплые металлические плиты площадки.

Осторожно подняли друзья отяжелевшее тело, понесли Григория дальше от жара, к приборной будке.

Запахавшись, бежала по цеху фельдшер... Склонилась над сталеваром, будто самой себе сказала:

— Да, слепое осколочное. В подвздошную область...

Сколько видела она подобных ран в медсанбате в годы войны! Но откуда же здесь, в цехе, снаряд? А кто-то уже протягивал на рукавице несколько забуренных кусочков металла. Конечно же осколочный осколок фашистского снаряда... Через десять лет после победы заглянула вдруг в цех война.

Несколько часов длилась операция. Наконец вышел из операционной хирург, устало снял маску. Улыбнулся:

— Будет жить!
И протянул Шуре, жене Григория, темный кусочек стали:

— На память... Чуть левее ударила бы эта железка — и...

Поправился тогда Григорий, поборол смерть. И опять стал к мартену. А о ранении и сегодня напоминает чуть приметная хромота».

Григорий Пометун встретил нас возле приборной будки. Признаться, хромоты я вовсе не приметил. Приветливо поздоровался и как человек, привыкший к встречам с журналистами, полез в карман не словом, а за книжечкой, постоянно хранящей память

мастера. Довольно плотная записная книжка, как я заметил, была заполнена цифрами — это, наверное, история и отдельных плавок, и всего мартена.

Пометун показал нам новинку — мартеновскую печь с двойной ванной. Она дает почти в два с половиной раза больше металла, чем самый крупный быковенный мартен, — свыше миллиона тонн стали в год.

Первые двухванные сталеплавильные агрегаты были созданы на заводах Магнитогорска и Череповца. Тогда устремились запорожцы: они щедро делятся собственным опытом, но охотно учатся и у других. Вот в Запорожье создается первая на Украине двухванная печь. С этой целью реконструируется мартен № 1, тот самый, что выдал первую плавку запорожской стали в 1935 году и первую послевоенную плавку в 1948-м. 12 ноября 1972 года старый мартен № 1 был погашен и начался его демонтаж. Тем временем в стороне изготовлялось верхнее сооружение новой печи. 28 ноября 2500-тонное сооружение было поставлено на свое место, а 9 декабря печь выдала первую плавку...

Быстро освоил двухванный мартен сталевар Егор Проскурин. Он был делегатом XXIV съезда партии, выступая в прениях по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС, с гордостью говорил о том, что коллективом завода досрочно выполнены задачи восьмой пятилетки. На 24 процента возросла за пятилетку производительность труда: весь прирост металла достигнут без увеличения числа работающих. Касаясь заданий девятой пятилетки, Проскурин явил от имени всего коллектива завода:

— За счет реконструкции агрегатов и лучшего использования производственных мощностей выработка чугуна на «Запорожстали» увеличится на 100 процентов. Значительно возрастет производство

стали, проката, особенно нержавеющей качественного листа, высокоэкономичных гнутых профилей.

— Как же теперь обстоит дело? — спросил я у Григория Пометуна.

Ему не пришлось заглядывать в книжечку. Основные данные он знает и так. Все надежды на двухванный агрегат оправдались. А что касается всего цеха, то один он в год выплавляет столько стали, сколько давала металлургия дореволюционной России...

Мы поговорили еще на разные темы, в частности об аварийности. Тьфу-тьфу, не сглазить, в последние месяцы все обстоит благополучно (я задал этот вопрос, напомнив, как в довоенные и первые послевоенные годы на некоторых заводах аварии буквально терзали сталеваров). Зашла речь о заработках. Правильный мастер назвал средний месячный в цехе — 295 рублей, а есть сталевары, зарабатывающие по 350—370 рублей и более.

— Жить можно! — улыбнулся Григорий Константинович. — Что тебе ставка завкафедрой в Москве...

Общезаводских вопросов мы не задевали. И так известно, что планы третьего, решающего года девятой пятилетки «Запорожсталь» перевыполняла. И не только планы, но и свои высокие социалистические обязательства.

Еще 30 июня «Правда» и другие газеты опубликовали трудовой рапорт Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу о досрочном выполнении коллективом «Запорожстали» обязательств, взятых на 1973 год. По выплавке стали и производству проката, по производительности труда завод достиг уровня, намеченного девятым пятилетним планом на 1975 год.

В ответном письме Л. И. Брежнев горячо поздравил от имени Центрального Комитета КПСС коллектив дважды орденоносной «Запорожстали» с большо-

трудовой победой, высоко оценил замечательные успехи коллектива как результат патристического труда на основе широко развернутого социалистического соревнования, большой организаторской и политической работы партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, проявления высокой сознательности и ответственности коллектива за практическое претворение в жизнь решений партии.

«Ценным является то, — писал Л. И. Брежнев, — что вы постоянно сосредоточиваете свое внимание на творческом поиске, внедрении новой техники и передовой технологии, непрерывном наращивании производственных мощностей путем осуществления большой программы реконструкции и модернизации оборудования, улучшения качества и расширения ассортимента выпускаемой продукции — главных направлений повышения эффективности производства».

В день сорокалетия «Запорожстали», 16 ноября 1973 года, коллектив завода опубликовал в областной газете «Индустриальное Запорожье» новый документ под названием «Общественный отчет-обязательство металлургов «Запорожстали»». Из него мы узнали, что и новые, повышенные обязательства, содержащиеся в трудовом рапорте и горячо одобренные в письме Л. И. Брежнева, тоже перевыполнены и что коллектив «Запорожстали» выдвинул на 1974 год встречный план. В нем предусмотрено увеличить по сравнению с контрольными цифрами пятилетки на сотни тысяч тонн производство стали и проката, получить сверхплановую прибыль, перевыполнить задание по производительности труда. Это позволит запорожцам выполнить девятую пятилетку за четыре года.

А начался встречный план с того, что бригада комсомольско-молодежного сталеплавильного агрегата № 1 (таково официальное наименование двух-

ванного мартена), возглавляемая Егором Проскуриным, выступила с призывом: начать соревнования экономии времени на каждой технологической операции. Здесь — трудноуловимые, не лежащие на поверхности резервы, но в этом особенность социалистического соревнования нашего времени: поиск идет в глубь техники и технологии. Бригада Проскурина в целом и каждый ее работник в отдельности определили, каким будет их личный вклад в общее дело. На основе расчетов они выдвинули свой встречный план. За ними пошли другие. От бригады встречного плана потянулась к цехам, а от цехов — к заводу. От одного завода — к десяткам больших и малых предприятий Запорожья, к «Днепроспецстали», к автозаводу, к трансформаторному, к Днепрогэсу...

...Прибыв в Запорожье, прямо с аэродрома я, как всегда, отправился на «поклон» к Днепру. Проезжая по незнакомым улицам знакомого города, думал, что Днепр, пожалуй, единственное здесь место, которое можно узнать. Но я ошибся.

Подъехав к плотине Днепрогэса поближе, я увидел изменение пейзажа: почти посредине реки сооружение, над которым высоко поднята красная надпись: «Дашь Днепрогэс-2!» Это строится здание нового машинного зала. Станция значительно превзойдет по мощности первую Днепровскую ГЭС. Здесь намечается установить восемь турбин, каждая мощностью свыше ста тысяч киловатт.

То, что станция воздвигается при уже готовой старой плотине, удешевляет строительство, и все затраты окупятся за один только год. Такого не знала еще мировая практика гидростроительства.

С высоты плотины Днепрогэса мы наблюдали панораму уникальной стройки. Старый газетчик Александр Лизинский — он ведет летопись новой стройки — давал пояснения.

Перед нами — большой котлован. Отсюда удалено триста пятьдесят тысяч кубических метров скалы или, как техники говорят, скального грунта. На бетонных фундаментах спиральных камер каждой из восьми турбин монтируются их первые звенья — статоры... Тут же возводятся напорные водоводы — двенадцать прямоугольных железобетонных труб. Они напоминают огромные наклонные тоннели, сквозь которые потоки днепровских вод станут вращать рабочие колеса их турбин.

— И еще обратите внимание, — говорит Лизинский, — Днепрогэс-2 — это не только электростанция, а, подобно своей старшей сестре — Днепрогэсу-1, целый гидротехнический комплекс.

Мы идем к месту, откуда хорошо просматривается стройка нового шлюза. Длина его камеры почти триста метров. Ускорится прохождение судов, в том числе крупнотоннажных морских. Запорожцы с гордым видом говорят: «Будет морской порт на Днепре...» Девятый пятилетний план предусматривает ввод в действие второй очереди Днепровской ГЭС. Первые два гидроагрегата предполагалось пустить в 1974 году, коллектив гидростроителей выдвинул встречный план: дать три машины, остальные — к концу пятилетки.

Теперь отправляемся на Днепрогэс-1. С нами нагруженный энергетик Украины мастер Николай Николаевич Комиссаренко. Он строил первый Днепрогэс, воевал, участвовал в освобождении Запорожья, восстанавливал город и станцию.

Идем к станции по чудесному парку. В центре — памятник Неизвестному солдату. Здесь захоронен прах бойца Советской Армии, найденного в этом месте, где были перерезаны провода, уложенные гитлеровцами для адского взрыва. После минуты молчания мы вступили в «храм» Днепрогэса — на

пульт управления и в машинный зал. При входе на пульт управления — четыре красных знамени, полученных коллективом Днепрогэса навечно, как признание его выдающихся заслуг. В машинном зале выстроились в ряд девять турбин, свежеекрашенных, как будто только что установленных. Пять человек — двое на пульте и трое в зале — управляли Днепрогэсом.

Затем мы осмотрели потерну, которой так много внимания уделяли газеты в первые годы восстановления. Теперь в этом высоком, просторном тоннеле стоят приборы, контролирующие «самочувствие» плотины: время ответственное, рядом с ней производятся взрывные и другие строительные работы.

А потом мы вновь вышли к Днепру. Над водным простором с резким криком парили серо-голубые чайки...

Возвращались через парк, и я увидел на одном из щитов фотографию первых строителей двадцатых годов. Они держат флаг, на котором четко выведено: «Днепрострой станет вечной памятью первого электрификатора в СССР — Владимира Ильича Ленина».

На прощание старый мастер Николай Николаевич Комиссаренко наизусть привел мне запись, сделанную в книге отзывов Днепрогэса одной экскурсантикой — студенткой из Челябинска:

«Днепрогэс — это как Пушкин в литературе. Днепрогэс — это как Чайковский в музыке... И какие бы гиганты энергетики ни создавались на Волге, Ангаре, Енисее, им не затмить величие патриарха советской энергетики — Днепрогэса имени Владимира Ильича Ленина!»